

БЫЛЫЯ ВСТРѢЧИ.

I.

Литературные дебюты.

БЫШАЯСЯ напечатать воспоминанія о былыхъ моихъ встрѣчахъ, я поставленъ въ необходимость прежде всего сказать нѣсколько словъ о себѣ; дѣлаю это не потому, чтобы претендовать на какое либо значеніе въ общественной или литературной моей дѣятельности—значеніе это было мимолетно, непродолжительно и безслѣдно, но потому, что, ничего не сочиняя, а черпая матеріалъ изъ памяти и частью изъ сохранившихся, въ видѣ дневника, замѣтокъ, я не могу отдѣлить свою личность отъ описываемыхъ событій по стольку, по скольку эти событія къ ней соприкасались.

Первый разъ я пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1861 года, изъ Кіева... Какъ это легко сказать теперь: пріѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ изъ Кіева въ Петербургъ нужно было ѣхать въ почтовомъ дилижансѣ по бѣлорусскому тракту, день и ночь, шесть сутокъ. Тридцать лѣтъ назадъ молодому кіевлянину жутко становилось при одной мысли поѣхать въ Петербургъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я прежде всего устремился туда, гдѣ былъ главный центръ моего тяготѣнія къ столицѣ, побѣдившій всѣ, казалось, неодолимыя препятствія къ покинутію роднаго гнѣзда съ его незамѣнными очарованіями. Началъ я зъ юмористическаго

журнала «Гудокъ». Стихотворенія мои были приняты, я получилъ и приличный гонораръ и приглашеніе сотрудничать; затѣмъ я сталъ писать въ «Русскомъ Мірѣ» А. С. Героглифова и въ «Сѣверной Пчелѣ» П. С. Усова. Такимъ образомъ, я попалъ въ завѣтную колею и приобщился къ литературному міру.

Въ самое короткое время я сошелся съ маленькимъ кружкомъ новыхъ знакомыхъ, преимущественно молодежи, которые очень заинтересовались оригинальностью юнаго провинціала. Во-первыхъ, я былъ очень религіозенъ, во-вторыхъ, непомѣрно застѣнчивъ, а главное—идеалистъ отъ головы до пятокъ и ко всему этому до наивности искрененъ. Благодаря этимъ качествамъ, я представлялъ своей особой немалый интересъ новизны для новыхъ моихъ пріятелей. Большинство ихъ находили всѣ исчисленныя качества большими во мнѣ недостатками. «Это такой хрупкій багажъ,—говорили они,—что надо удивляться, какъ тебя папенька и маменька рѣшились отпустить съ нимъ въ такой далекій путь, да еще въ Петербургъ».

Кромѣ юмористическихъ сочиненій и фельетонныхъ работъ, я задумалъ было писать фізіологическіе очерки подъ названіемъ «Петербургскіе полуночники». Прочитавъ своимъ пріятелямъ первую главу этихъ очерковъ, я былъ польщенъ ихъ похвальнымъ отзывомъ о моей работѣ. «Это очень замѣчательно и талантливо; это стихи въ прозѣ,—говорили мои критики, — а все же для теперешняго времени, кажется, нѣсколько идеально. Тебѣ непременно нужно заручиться совѣтами нашихъ корифеевъ, Добролюбова и Чернышевскаго; ты непременно долженъ явиться къ нимъ съ поклономъ и просить ихъ руководства».

Настоянія были такъ сильны, что я, поборовъ свою робость, отправился къ Добролюбову. У меня гора съ плечъ свалилась, когда прислуга Добролюбова объявила мнѣ, что Николай Александровичъ боленъ и никого не принимаетъ; когда я звонилъ къ нему, у меня руки дрожали отъ страха, что вотъ-вотъ я сейчасъ предстану предъ современнымъ свѣтиломъ. И что я стану говорить ему? какими глазами измѣрить онъ мою фигуру, когда я буду говорить ему о своихъ полуночникахъ. Но давнее пріятелямъ слово нужно было сдержать. Отъ Добролюбова я отправился къ Чернышевскому; онъ жилъ на Владимірской улицѣ въ церковномъ домѣ. Не успѣлъ я переступить порогъ передней, какъ меня встрѣтила молодая, стройная особа.

— Что вамъ угодно?—спросила она, съ любопытствомъ оглядывая мою фигуру.

— Я хотѣлъ видѣть Николая Гавриловича,—робко отвѣчалъ я.

— Онъ теперь занятъ и принимаетъ только по средамъ. Что это у васъ?—спросила она, глядя на дрожавшую въ моихъ рукахъ тетрадку.

— Это... мое сочиненіе... Я хотѣлъ спросить совѣта... — отвѣчалъ я, окончательно сконфуженный.

— Вы, должно быть, изъ начинающихъ?

— Такъ точно,—произнесъ я совершенно упавшимъ голосомъ.

Нужно полагать, видъ мой былъ очень жалокъ и тронулъ разговаривавшую со мной особу.

— Пожалуйте сюда,—сказала она, направляясь изъ передней въ комнату направо; я поспѣшилъ снять шубу и пошелъ вслѣдъ за моей собесѣдницей.

— Какъ ваша фамилія?.. Присядьте.

Я назвалъ свою фамилію.

— А я жена Николая Гавриловича, Ольга Сократовна; очень рада познакомиться. Вы оставьте здѣсь ваши бумаги; я передамъ ихъ мужу; онъ очень занятъ; у него всѣ минуты рассчитаны; теперь его нельзя отрывать отъ работы, а вотъ заходите въ среду, послѣ двѣнадцати; онъ до того времени прочтетъ вашу рукопись, и вы тогда можете нѣсколько минутъ поговорить съ нимъ. А теперь не хотите ли чашку кофе?

Я поблагодарилъ за любезность милую хозяйку и, поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ на общія темы, откланялся, оставивъ у нея свою рукопись.

Съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я четыре дня этой среды. Мнѣ казалось, что въ этотъ день окончательно рѣшится судьба моя—быть мнѣ, или не быть литераторомъ, а пріятели не переставали потѣшаться надъ моею робостью, и въ знакомствѣ моемъ съ женой знаменитаго публициста и ея ласковымъ со мной обращеніемъ видѣли почему-то залогъ несомнѣннаго моего успѣха въ литературномъ дѣлѣ.

Но вотъ наступила и завѣтная среда. На этотъ разъ я позволилъ съ меньшей робостью; дверь отворила горничная, спросила мою фамилію и попросила пожаловать въ знакомую уже мнѣ комнату. Не успѣлъ я подойти къ зеркалу, чтобы увѣриться, достаточно ли мужественно выраженіе моей физіономіи, какъ ко мнѣ подошелъ средняго роста, худой, желтый мужчина, съ длинными прямыми волосами, въ сѣромъ суконномъ халатѣ, съ большимъ шерстянымъ платкомъ на шеѣ.

— Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ онъ, протягивая костлявую, въ горячей испаринѣ, руку.—Я читалъ вашу рукопись; талантъ есть, пишите, только лимфы, лимфы поменьше... Затѣмъ у васъ сильная замашка живописать; это не годится; приучайтесь больше къ лаконизму; возьмите себѣ за образецъ телеграфный языкъ; въ двухъ-трехъ словахъ должно быть сказано то, что вы говорите на цѣлой страницѣ... а талантъ несомнѣнный; держитесь новой школы; я здѣсь подѣлалъ на вашей рукописи свои замѣтки карандашомъ... Вотъ хоть бы здѣсь у васъ...—и Ни-

лай Гавриловичъ сталъ перелистывать мою тетрадь,—вотъ: «Люблю я полночь! люблю, при безстрастномъ сіяніи звѣздъ ея, носиться воображеніемъ въ необъятной сферѣ пріосѣненнаго ею міра; люблю ея могучіе законы, подъ силой которыхъ міриады дыханій, сливаясь въ одинъ надменно гордый ропотъ, безсильно враждуютъ съ чудной властью, опеленавшею всѣхъ ихъ однимъ безраздѣльнымъ покровомъ»... Все это, конечно, красиво, эффе́ктно, но къ чему вся эта лирика? Такъ теперь не пишутъ; это порча старой школы; это прежде всего избытокъ лимфы; ваше бойкое перо достойно лучшаго труда... а теперь извините: я долженъ вернуться къ работѣ; заходите; я всегда буду радъ пригодиться вамъ своимъ опытнымъ совѣтомъ.

И, давъ мнѣ мою тетрадь, Чернышевскій пожалъ мнѣ руку и скрылся прежде, чѣмъ я успѣлъ произнести хотя бы одно слово.

«Живописать, лирика, старая школа, лимфа» — вотъ слова, шевелившія моими губами, когда, сосредоточенный, возвращался я къ себѣ изъ Владимірской улицы, съ величайшимъ трудомъ разбираясь въ понятіяхъ, которыя заключали въ себѣ эти, поразившія меня своей неожиданной новизной, слова. Мнѣ помнится, что двумъ извозчикамъ, предлагавшимъ мнѣ свои услуги, я отвѣчалъ: лимфа! причемъ одинъ изъ нихъ, не задумавшись, запросилъ съ меня двугривенный, добавивъ при этомъ, что дорога плохая, а ѣхать-то далеченько.

Но вотъ я дома, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ждутъ трое моихъ добрыхъ пріятелей.

— Ну, что?—раздался общій вопросъ.

— Лирика, старая школа, лимфа!—отвѣчаю я, снимая шубу и швырнувъ на комодъ тетрадку, которою еще такъ недавно гордился. Пріятели мои раскрыли рты.

— Лимфа?!—произнесъ кто-то изъ нихъ.

— Лимфа, лимфа, проклятая лимфа! — отвѣчалъ я со слезами на глазахъ, опускаясь въ изнеможеніи на диванъ.

Дальше я ни разу не взялся за перо для Полуночниковъ; широкій планъ мой такъ и закончился на этой тетрадкѣ; она и теперь хранится у меня съ помѣтками Чернышевскаго.

Послѣ этого вскорѣ обстоятельства неожиданно сложились такъ, что я былъ вынужденъ порвать не только близкія отношенія, но и самое знакомство съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Объявить о такой рѣшимости напрямикъ у меня не хватало мужества, и я въ одинъ прекрасный вечеръ, собравъ наскоро свои пожитки, расплатившись съ хозяйкой меблированныхъ комнатъ и объявивъ ей, что я на другой день уѣзжаю въ Ораніенбаумъ на неопредѣленное время, переѣхалъ въ другую часть города, имѣя въ виду поменьше выходить изъ дому и побольше заняться срочной фельетонной работою.

На этой новой квартирѣ ждали меня новыя знакомства, новыя встрѣчи. Одна изъ этихъ встрѣчъ стоитъ того, чтобы рассказать о ней.

II.

Князь Суворовъ въ роли свата.

Поселился я въ Малой Коломнѣ, у самой церкви Покрова, въ домѣ Мазараки. Весь третій этажъ этого дома, раздѣленный на двѣ половины, снималъ такелажмейстеръ морскаго вѣдомства капитанъ Марышевъ; половину этажа занималъ самъ капитанъ съ своимъ семействомъ, а другую, состоящую изъ трехъ отдѣльных маленькихъ квартиръ, сдавалъ отъ себя холостымъ квартирантамъ. Въ одной изъ такихъ квартиръ, въ двѣ комнаты съ общей передней, я и поселился.

Не измѣняя установившемуся образу моей жизни, я на другой день, послѣ обѣда, думалъ было освѣжить себя прогулкой передъ вечерними занятіями и уже собирался выйти изъ своего кабинета, какъ дверь отворилась и на порогѣ, глядя на меня какъ-то растерянно, остановился молодой человѣкъ, морякъ, въ чинѣ лейтенанта. Глядя другъ другу въ глаза, мы оба съ минуту молчали. Я молчалъ потому, что не могъ не залюбоваться моимъ посетителемъ: это былъ рѣдкій красавецъ. Высокій, стройный брюнетъ, съ цвѣтомъ лица, которому могла бы позавидовать любая барышня, онъ смотрѣлъ на меня большими черными бархатными глазами, и въ этомъ взглядѣ я сразу прочелъ и безысходную, глубокую грусть, и какую-то отчаянную рѣшимость. Прежде чѣмъ произнести слово, я подошелъ къ чудному незнакомцу и инстинктивно взялъ его за руки.

— Что такое?..—спросилъ я.

По всей вѣроятности, въ моемъ голосѣ выдала себя какаянибудь сердечная нота, потому что мой гость въ свою очередь схватилъ мои руки, и на прекрасныхъ глазахъ его показались двѣ крупныя слезы.

— Простите меня...—началъ онъ прерывающимся отъ глубокаго волненія голосомъ.

— Пожалуйста, успокойтесь; сядемте... Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?—говорилъ я, усаживая гостя на диванъ.

Выпивъ стаканъ воды и нѣсколько оправившись, онъ повелъ прерывистую рѣчь.

— Позвольте мнѣ прежде всего имѣть честь представиться: лейтенантъ И. Я вашъ сосѣдъ; здѣсь, рядомъ съ вами, у меня временная квартира, гдѣ я останавливаюсь, пріѣзжая въ Петербургъ; сегодня я пріѣхалъ изъ Кронштадта и узналъ, что вы тутъ

поселились... Мое положеніе исключительное... Я не могу дать себѣ отчета въ этомъ положеніи; не могу въ немъ оріентироваться... Скажу болѣе: мнѣ кажется, что я или схожу съ ума, или сошелъ уже... И вотъ я бросился къ вамъ... Вы человѣкъ свѣжій, постронній... уясните мнѣ мое положеніе.

— Прежде всего не волнуйтесь, пожалуйста; расскажите ваше дѣло, и мы сообща обсудимъ его,—отвѣчалъ я, скрывая волненіе, которымъ самъ успѣлъ уже заразиться отъ моего посѣтителя.

— Легко сказать—не волнуйтесь!—отвѣчалъ тотъ съ глубокимъ вздохомъ. И въ этихъ словахъ прозвучало безысходное отчаяніе.

— Да въ чемъ же дѣло?—спросилъ я, сгорая не столько любопытствомъ, сколько искреннимъ участіемъ къ собесѣднику.

— Я буду по возможности кратко,—отвѣчалъ онъ:— я люблю безумно, всѣми силами моего сердца, чудную, какъ ангелъ Божій, дѣвушку, она любитъ меня не меньше; въ этой любви все наше счастье, вся наша жизнь, и между тѣмъ она въ будущую среду вѣнчается съ другимъ человѣкомъ, ей вполне ненавистнымъ.

— Но почему же?

— Воля ея матери; она отказала мнѣ отъ дому, не можетъ слышать моего имени и принуждаетъ дочь идти замужъ за человѣка, котораго сама выбрала себѣ въ зятя.

— А она? невѣста?..

— Вотъ записка, которую я получилъ отъ нея полчасу назадъ.

При этихъ словахъ лейтенантъ досталъ изъ кармана записку и прерывающимся отъ припадка новаго волненія голосомъ прочелъ приблизительно слѣдующе ¹⁾:

«Все погибло, все кончено. Не успѣвъ ни рыданіями, ни мольбой измѣнить рѣшимость матери, я вчера обратилась къ его великодушію и чести; я сказала ему, что никогда не полюблю его, что люблю и всю жизнь буду любить тебя одного; я заклинала его памятью его матери, клялась, что всю жизнь буду молиться о его счастьѣ, благословлять его имя, какъ великаго благодѣтеля, если онъ откажется отъ меня; я на колѣняхъ просила его сжалиться надо мной,—все напрасно. На всѣ мои мольбы онъ отвѣчалъ одно: каждый человѣкъ себѣ не врагъ и не пойдетъ противъ себя, а такъ какъ онъ меня страстно любитъ, то согласится скорѣе увидѣть меня въ гробу, чѣмъ женой другаго... Свадьба назначена въ будущую среду; онъ самъ поторопиль... это моя мольба—то такъ на него подѣйствовала!... Осталось всего пять дней. Что же ты бездѣйствуешь? Принимай мѣры, спасай и меня, и наше счастье. Я на все пойду и до послѣдней минуты не буду терять надежды. Милый! что намъ дѣлать, что намъ дѣлать? рѣшай этотъ

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, по свѣжей памяти записана она тогда же въ дневникъ мой.

вопросъ и за себя, и за меня. Я до того подавлена горемъ, что не могу собраться съ мыслями. Завтра въ десять часовъ буду у Исаакія»...

Окончивъ чтеніе письма, лейтенантъ закрылъ лицо руками и горько заплакалъ, произнося сквозь душившія его рыданія: «что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!»...

— Прежде всего перестаньте плакать, — спѣшилъ я утѣшить гостя. — Тутъ не до слезъ; нужно дѣйствовать. Я даже не понимаю слезъ вашихъ; вамъ если и слѣдуетъ плакать, то развѣ только отъ избытка счастья.

— Вы смѣтаетесь надо мной, надъ моимъ горемъ!..—обратился ко мнѣ лейтенантъ, сдержавъ слезы и вставъ съ дивана.

— Вы это сказали, потому что опять-таки не горе, а безпредѣльное счастье мѣшаетъ вамъ смотрѣть правильно на вещи, — отвѣчалъ я.

— Счастье?..—съ недоумѣніемъ произнесъ лейтенантъ, уставивъ въ меня свои прекрасные глаза.

— А что же другое? Развѣ не счастье быть такъ любимымъ любимой женщиной, какъ любить васъ дѣвушка, написавшая это письмо? Да помилуйте, сотни тысячъ людей пожелали бы быть теперь на вашемъ мѣстѣ и въ вашемъ положеніи.

Лейтенантъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— И вы не отказались бы быть въ числѣ этихъ сотенъ тысячъ?—медленно произнесъ онъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ я.

— Но что же бы вы предприняли въ этомъ положеніи?—вскрикнулъ лейтенантъ.

— Чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ, нужно знать дѣло въ нѣкоторыхъ его подробностяхъ, — отвѣчалъ я. — Прежде всего нужно знать, почему мать не на вашей сторонѣ, а на сторонѣ вашего соперника.

— Я объясню вамъ это въ нѣсколькихъ словахъ, — отвѣчалъ лейтенантъ, постепенно оправляясь. — Во-первыхъ, на несчастье мое, любимая мной дѣвушка принадлежитъ къ аристократической семьѣ; мать ея—вдова генерала Ч.; во-вторыхъ, я бѣдный, безвѣстный офицеръ, безъ всякаго состоянія, а, въ-третьихъ, и это самое главное, соперникъ мой тоже принадлежитъ къ высшему петербургскому обществу, занимаетъ видное положеніе, камергеръ и человѣкъ богатый. Понимаете!.. Теперь я жду вашего отвѣта на мой вопросъ: что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Я задумался, а лейтенантъ не сводилъ съ меня своихъ полныхъ лихорадочнаго ожиданія глазъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ и въ вашемъ положеніи, — отвѣчалъ я: — прежде всего испробовалъ бы всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обвиняться съ этой дѣвушкой, и только тогда, если бы эти мѣры

ни къ чему не привели, только тогда я нашелъ бы единственный выходъ въ гражданскомъ бракѣ.

— Но о какихъ мѣрахъ вы говорите? Вѣдь всего пять дней осталось...

— За пять дней можно много сдѣлать, особенно если вы не станете медлить ни одной минутой. Ищите прежде всего такого благодѣтеля священника, который бы согласился повѣнчать васъ безъ согласія матери невѣсты.

— Но развѣ это можно?—вскричалъ, засіявъ радостью, мой собесѣдникъ

— Попробуйте.

— Голубчикъ! дорогой!—схватилъ онъ меня за руку:—можетъ быть, самъ Богъ свелъ меня съ вами... Поѣдемъ вмѣстѣ къ здѣшнимъ священникамъ; мнѣ легче будетъ при вашемъ содѣйствіи объясняться съ ними.

— Извольте, ѣдемъ.

Лейтенантъ заключилъ меня въ объятія и горячо цѣловалъ; лице его вдругъ засіяло восторженной надеждой; оно стало еще прекраснѣе. Черезъ минуту мы спускались съ лѣстницы. Какъ назадъ четверть часа горе и отчаяніе, такъ теперь мгновенный приливъ радости лейтенанта сообщился и мнѣ. А все же лица наши прежде всего были очень серьезны, и неудивительно: обоимъ намъ вмѣстѣ было менѣе полвѣка, а между тѣмъ мы рѣшали одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ жизни.

Рѣшивъ побывать у всѣхъ петербургскихъ священниковъ, мы начали съ ближайшаго къ намъ священника Покровской церкви. Оказалось, что онъ боленъ и никого не принимаетъ; обстоятельство, повидимому, самое обыкновенное, но оно вдругъ понижающимъ образомъ подѣйствовало на то настроеніе, съ которымъ мы вышли изъ дому. Вторымъ, по попутному маршруту, слѣдовалъ священникъ Никольскаго морскаго собора; но ни его, ни его помощника не оказалось дома. Молча, уже въ состояніи близкомъ къ угнетенному, сѣли мы на извозчика и приказали ѣхать къ Вознесенской церкви. Батюшка оказался дома, и мы съ новымъ приливомъ радости трепетно переступили порогъ его гостиной. На встрѣчу намъ вышелъ почтенный, добрый старикъ.

— Что скажете, господа?—спросилъ онъ, окинувъ насъ ласковымъ взглядомъ. Лейтенантъ поблѣднѣлъ и молчалъ; я взялъ на себя роль парламентаря и, рассказавъ въ нѣсколькихъ словахъ суть дѣла, закончилъ просьбой придти въ помощь святому дѣлу свободной любви и повѣнчать молодыхъ людей безъ согласія со стороны матери невѣсты.

Священникъ со вниманіемъ и не покидавшей его ласковой улыбкой выслушалъ меня, поочередно посматривая на насъ обоихъ.

— А вѣдь это онъ—герой романа!—сказалъ батюшка, указавъ рукой на лейтенанта.

— Да... это я...—процѣдилъ сквозь зубы лейтенантъ, мгновенно превратившись изъ блѣднаго въ пунцоваго.—Помогите, батюшка!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Вотъ что, друзья мои, — сказалъ священникъ, подумавъ:— скажите откровенно, почему именно вы ко мнѣ обратились съ вашимъ дѣломъ.

Мы тотчасъ же сообщили нашъ планъ, сказавъ, что были уже у двухъ священниковъ, что онъ оказался третьимъ на очереди по нашему маршруту, и что мы рѣшили не возвращаться домой, пока не объѣдемъ всѣхъ петербургскихъ священниковъ, между которыми найдется же наконецъ хоть одинъ, который не побоится обойти формальность для истинно добраго дѣла.

— Такъ, такъ...—твердилъ батюшка, слушая насъ съ тою же добродушной улыбкой. — Хотите, молодые люди, послушать моего добраго совѣта?—обратился онъ къ намъ, когда мы окончили свои краснорѣчивые доводы, будучи оба вполне увѣрены, что мы убѣдили нашего слушателя, и что ему остается только назначить день и часъ вѣнчанья. Съ этой увѣренностью мы устремили на него глаза, полные радостнаго ожиданія.

— Бросьте вы ваши поиски; они ни къ чему не поведутъ. Увѣряю васъ, что ни я, и ни одинъ изъ здѣшнихъ священниковъ ни за какія деньги не согласится сдѣлать то, что вы желаете.

Можно судить, какъ эти слова подѣйствовали на насъ, особенно на блѣднаго лейтенанта. Онъ вздрогнулъ и схватилъ меня за руку, я взглянулъ ему въ лице: оно покрылось смертельной блѣдностью. Отъ пытливаго взора хозяина не ускользнуло впечатлѣнiе, произведенное его словами на лейтенанта. Онъ поспѣшилъ взять его за руку и полнымъ самаго сердечнаго участія голосомъ продолжалъ:

— Что дѣлать, господинъ офицеръ, видно, не судьба... Поѣзжайте лучше домой, да помолитесь хорошенько Богу; а я приду вамъ въ помощь и завтра за обѣдней тоже помолюсь о томъ, чтобы надъ вами и этой дѣвушкой совершилась воля Господня. Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать.

И видя, что слова его не произвели никакого успокоительнаго дѣйствія, онъ продолжалъ:

— Вы, господа, слишкомъ заднимъ числомъ посмотрѣли на это дѣло; встарину, да еще, пожалуй, и лѣтъ двадцать назадъ, эти дѣла дѣйствительно обдѣлывались пожелаемому вами способу, и часто все сходило съ рукъ и брачущимся, и священнику; и я объясняю это тѣмъ, что, вѣроятно, прежніе родители были благодушнѣе, мирились съ совершившимся фактомъ и не жаловались въ подобномъ случаѣ на священника. Теперь же у насъ на этотъ счетъ очень строго; еще недавно было строжайшее подтвержденіе

отъ святѣйшаго синода, по поводу... да вотъ кстати: попробуйте вы еще завернуть къ священнику К. Ужъ если онъ не возьмется за ваше дѣло, то никто другой не только здѣсь, въ Петербургѣ, но и во всей Россійской имперіи.

Мы сразу насторожились.

— Почему же вы думаете, что священникъ К. могъ бы взяться за это дѣло?—спросилъ одинъ изъ насъ.

— Во-первыхъ, для него это дѣло привычное, и подобныя дѣла большей частью ему съ рукъ сходятъ, благодаря высокому положенію его отца, а, во-вторыхъ, онъ человѣкъ безстрашный, да и терять ему нечего; сегодня протопопъ, завтра вольный гражданинъ съ изрядной мошной.

— Гдѣ онъ живетъ?—чуть не вскричали мы въ одинъ голосъ.

— Въ Подъяческой; только вы не попадите къ старику К., все дѣло испортите; они оба—и отецъ и сынъ, живутъ въ одномъ домѣ.

Мы начали благодарить почтеннаго нашего хозяина за совѣтъ и поспѣшили откланяться.

— Поѣзжайте, поѣзжайте; Богъ въ помощь!—отвѣчалъ онъ, провожая насъ.—Признаюсь, мнѣ, по іерейской моей совѣсти, и не слѣдовало бы давать вамъ такихъ указаній, особливо относительно своего же собрата, да ужъ мнѣ очень жаль васъ, — обратился онъ къ лейтенанту.

Поблагодаривъ отъ души добраго нашего совѣтника, мы помчались въ Подъяческую, волнуемые чередовавшимися въ насъ сомнѣніями и надеждами. У воротъ дома мы спросили дворника, гдѣ живетъ молодой священникъ К., и по указанію его поднялись во второй этажъ лѣваго корпуса дома.

— Дома батюшка?—обратился дрожащимъ голосомъ лейтенантъ къ отворившему дверь челоѣку.

— Нѣтъ дома.

Отвѣтъ этотъ до того ошеломилъ насъ, что мы не нашлись произнести ни слова и молча стояли, опустивъ головы.

— Да вамъ очень нужно видѣть о. протоіерея?—спросилъ насъ отворившій дверь челоѣкъ, отъ котораго, какъ мнѣ показалось, несло виннымъ запахомъ.

— Очень, очень нужно,—отвѣчали мы въ ужасѣ.

— А если очень, то подождите; онъ черезъ полчаса вернется.

— А гдѣ же мы будемъ ожидать?

— Извѣстно, гдѣ: пожалуйста въ гостинную, не на улицѣ же.

Мы вошли въ комнату, указанную намъ челоѣкомъ, который вслѣдъ за тѣмъ скрылся. За наступившимъ вечеромъ мы очутились въ совершенной темнотѣ; сначала мы ждали, что намъ принесутъ огня, но прошло двѣ-три минуты, и вокругъ насъ всюду царилъ глубокая тишина. Я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ

шубы, по обыкновенію, находится коробка спичекъ; ощупью пробрался я въ переднюю, съ трудомъ нащупалъ свою шубу и принесъ спички. Когда я зажегъ огонь, и мы стали закуривать папирсы, дѣлаясь опасеніемъ, что это можетъ не понравиться хозяину дома, отъ котораго зависѣла вся судьба нашего дѣла, мы бѣгло замѣтили очень приличную обстановку комнаты и, между прочимъ, у правой стѣны рояль. Прошло еще нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, и лейтенантъ безсознательно, повинувшись неудержимому порыву, открылъ фортепьяно и взялъ нѣсколько полныхъ звучныхъ аккордовъ. Одна минута, и эти аккорды вылились въ тихую, полную безысходной грусти мелодію. Я, какъ очарованный, заслушался музыки, въ которой каждая нота лучше всякихъ словъ говорила о состояніи души игравшаго. Это былъ вальсъ Шопена, кажется, opus № 64, одинъ изъ тѣхъ Шопеновскихъ вальсовъ, о которыхъ музыкальная критика сказала, что композиторъ писалъ ихъ не чернилами, а слезами. Облокотясь на фортепьяно, я весь отдался чарующимъ звукамъ, и хотя за темнотою я не видѣлъ лица моего сосѣда, но мнѣ чудилось, что незримыя Шопеновскія мечты, бившія широкой волной изъ фортепьянной клавиатуры, безраздѣльно сливались съ видимыми мечтами моего милаго лейтенанта. Не знаю, долго ли длилось это чудное упоеніе чудными звуками среди окружавшей насъ безпросвѣтной мглы, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный ударъ по моему плечу и отъ испуга, и прежде всего отъ боли, съ крикомъ, инстинктивно, бросился въ сторону; въ тотъ же моментъ лейтенантъ вскочилъ съ своего мѣста и очутился возлѣ меня; мы оба дрожали отъ неожиданности, не будучи въ состояніи понять, въ чемъ дѣло. Герои романа, одинъ прямой, другой косвенный, мы съ лейтенантомъ неожиданно очутились въ мальчишескомъ положеніи. Я поспѣшилъ запустить руку въ карманъ и, зажегши спичку, приподнялъ ее кверху. Пораженнымъ глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина. Передъ нами стоялъ громаднѣйшаго роста мужчина въ рясѣ и камилавкѣ, которая чуть не упиралась въ потолокъ высокой комнаты, стоялъ онъ со сложенными на груди руками и смѣющимися глазами смотрѣлъ на насъ. Но вотъ спичка догорѣла, мы снова очутились въ темнотѣ и, плотнѣе прижавшись другъ къ другу, не произнесли ни одного звука.

— Семень! огня! — вдругъ гаркнулъ надъ нами громовый голосъ. Прошло еще съ полминуты, но ни Семена, ни огня не показывалось; въ комнатѣ и всюду царила та же тишина, что и въ началѣ нашего прибытія въ этотъ загадочный домъ.

— Короста...—пробурчалъ тотъ же голосъ на октавной нотѣ, и вслѣдъ затѣмъ раздались тяжелые шаги удалявшагося отъ насъ великана.

— Чего вы такъ вскрикнули?—шепотомъ спросилъ меня лейтенантъ.

— Помилуйте, — отвѣчалъ я, потирая плечо: — онъ такъ меня хватилъ, что мнѣ показалось, будто потолокъ на меня обрушился.

— Ради Бога, не сердитесь; сдѣлайте это для меня. Вѣроятно же всего, онъ это такъ, для шутки... Можетъ быть, это хорошій признакъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю за такія шутки и признаки; я не совѣтывалъ бы ему повторить ихъ.

— Пожалуйста, дорогой, для меня... — шепталъ взволнованный лейтенантъ, крѣпко пожимая мою руку. — Удивительно, какъ мы не слышали его прихода.

— Всему виной ваша прелестная музыка, — отвѣчалъ я.

Но вотъ гдѣ-то слышались тѣ же тяжелые шаги, и въ комнату вошелъ со свѣчкой въ рукахъ нашъ страшилищный хозяинъ. Онъ быстро направился прямо къ намъ и, освѣтивъ наши фигуры, сталъ пристально всматриваться въ наши лица.

— Которого это изъ васъ я маленько поласкалъ по спинкѣ?

— Покорнѣйше васъ благодарю за такую ласку, — отвѣчалъ я. — Эта медвѣжья ласка по меньшей мѣрѣ требуетъ, чтобы вы объяснили поводы къ ней.

— Объясненіе? Это сейчасъ воспослѣдуетъ... Семенъ! — раздалось надъ нашими ушами такъ, что окна и стѣны задрожали отъ этого крика. Тотчасъ явился и Семенъ.

— Портеру!

Семенъ исчезъ такъ же быстро, какъ и явился.

— Вотъ мы съ вами и объяснимся такъ, какъ слѣдуетъ истинно порядочнымъ русскимъ людямъ, за стаканчикомъ влаги... Голубчикъ мой, неужели вы разсердились на меня? — произнесъ батюшка сердечнымъ голосомъ, взявъ мою руку.

— Теперь не сержусь, — отвѣчалъ я, взглянувъ на просіявшее сразу лицо лейтенанта.

— Вотъ и добре!

Въ это время Семенъ подаль на подносѣ бутылку портеру и три стакана. Батюшка наполнилъ стаканы, чокнулся съ нами и, пригласивъ усѣсться, сказалъ:

— А теперь извольте объяснить, чему я обязанъ честью видѣть у себя такихъ милыхъ юнцевъ.

Мы въ нѣсколькихъ словахъ объяснили ему дѣло.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ съ улыбкой батюшка, выслушавъ насъ. — Который же здѣсь изъ васъ дѣйствуетъ въ семъ романѣ?

— Я, — отвѣчалъ упавшимъ голосомъ лейтенантъ, покраснѣвъ до ушей.

— Вы скажите мнѣ прежде всего, который это изъ моихъ доброжелателей направилъ васъ ко мнѣ.

Мы переглянулись съ лейтенантомъ и нашли лучшимъ, въ виду такъ поставленнаго вопроса, скрыть, кто насъ сюда направилъ, и

отвѣчали что-то въ родѣ того, что молва о его добромъ сердцѣ и готовность всегда придти на помощь людямъ, которыхъ преслѣдуетъ судьба, дошла до насъ, и вотъ мы прибѣгаемъ къ нему съ сердечной мольбой принять наше дѣло подъ свое теплое покровительство.

— Не могу,—отвѣчалъ онъ, доливая наши стаканы: — прежде могъ и охотно это дѣлалъ, а теперь не могу; далъ слово отцу, что больше не стану огорчать его. Жаль мнѣ и васъ, да и старика пожалѣть слѣдуетъ; я и такъ много досадила ему... Видите ли, въ чемъ дѣло, — продолжалъ батюшка, замѣтивъ, что слова его произвели на насъ, особенно на лейтенанта, удручающее впечатлѣніе, — вся суть въ томъ, станутъ ли послѣ такого вѣнчанья родители невѣсты жаловаться на священника; не станутъ — и концы въ воду; а какъ же вы поручитесь... Кстати, можно узнать, кто сія преже-стокая маменька? — обратился онъ къ лейтенанту.

Тотъ назвалъ фамилію жестокой маменьки.

— Те, те, те!... — произнесъ батюшка, быстро поставивъ на столъ стаканъ, который подносилъ ко рту: — знаю, знаю... Ну, господинъ офицеръ, бросьте вы это дѣло; ничего изъ него не выйдетъ. Это чортъ, а не баба; не дай Богъ съ нею связываться.

— Неужели же и вы не придете мнѣ въ помощь? — съ отчаяніемъ произнесъ лейтенантъ, вставъ и берясь за фуражку.

— Придти-то приду, только не такимъ дѣломъ, какъ вы хотите, а словомъ и совѣтомъ опытнаго въ сихъ дѣлахъ человѣка могу придти.

Мы съ лейтенантомъ насторожились, и на его подвижномъ лицѣ снова вспыхнуло радостное ожиданіе.

— Вы сядьте, не спѣшите, — сказалъ батюшка, взявъ у лейтенанта фуражку: — это дѣло надо хорошенько обдумать. Вы думаете, что ваше дѣло не близко моему сердцу? Очень близко, хотя я и вижу васъ первый разъ. Вѣдь вся моя вина и предъ старикомъ-отцемъ, и предъ ними, судьями моими, въ томъ и заключается, что я не могу не принимать близко къ сердцу вотъ такихъ дѣлъ, какъ ваше. Помилуйте! любовь вотъ такихъ голубятъ, какъ вы и избранная вашимъ сердцемъ, отдающая вамъ свое сердце молодая голубка, — вѣдь это величайшее и сокровеннѣйшее таинство человѣческой природы; это тотъ всеильный и всепокоряющій, чистый законъ этой природы, на которомъ зиждется жизнь вселенной. И кто дерзаетъ идти противъ этого закона, тотъ идетъ противъ разума жизни... Давайте, господа, чокнемся!... А они меня чуть не еретикомъ считаютъ... За что? Они быють на то, что тамъ сказано: благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ... Вѣрно! но какихъ родителей? какое благословеніе? Неужели же эти слова разумѣютъ такихъ родителей, какъ вотъ эта ваша генеральша? Теперь опять на счетъ благословенія родительскаго: развѣ тутъ

можетъ быть рѣчь о томъ благословеніи, которымъ эта же самая генеральша намѣревается освятить свою нечистую сдѣлку съ этимъ камергеромъ?... Что же вы, господа, такъ плохо пьете?... Вотъ поди тутъ и разговаривай съ ними... А я всегда дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ безкорыстно; это они и сами знаютъ. Для меня тутъ первѣе всего принципъ и нравственная сторона дѣла. Былъ случай, когда за вѣнчанье мнѣ предлагали десять тысячъ, и я умылъ руки, потому что дѣло выходило пакостнымъ... А они всего этого знать не хотятъ...

Послѣ этихъ словъ собесѣдникъ нашъ опустилъ голову на руки и задумался.

— Но мое же дѣло, и съ вашей точки зрѣнія, нравственное,— произнесъ лейтенантъ, умоляюще глядя на батюшку.

— Погодите,—отвѣчалъ тотъ, не мѣняя своего вдумчиваго выраженія лица. — Знаете что! — вскрикнулъ онъ, ударивъ ладонью по колѣну лейтенанта такъ, что тотъ привскочилъ на мѣстѣ. Мы притаили дыханіе, широко раскрывъ глаза... — Намъ нужно,—продолжалъ батюшка, приложивъ палецъ къ губамъ,—вотъ что: во-первыхъ, чтобы генеральша, на другой же день по совершеніи неблагословеннаго ею вѣнчанья ея дочурки съ вами, помирилась съ совершившимся фактомъ и не вздумала поднять жалобнаго гвалта; а такъ какъ она, въ силу знакомыхъ мнѣ доблестей своей души, сего учинить не можетъ по своей собственной волѣ, то нужно, чтобы къ тому ее принудила посторонняя сильная воля... Давайте, чокнемся за осуществленіе моей мысли!... вотъ такъ!... Теперь вотъ что: завтра же утромъ отправляйтесь вы,—обратился онъ къ лейтенанту,—къ нашему генераль-губернатору, свѣтлѣйшему князю Суворову...

Лейтенантъ привскочилъ съ мѣста, хотѣлъ было что-то сказать, но батюшка остановилъ его.

— Постоите, ваша рѣчь впереди; выслушайте меня; я вамъ худа не посовѣтую... Итакъ, завтра же отправляйтесь къ князю Суворову. Онъ всѣмъ доступенъ, во все вникаетъ; на министровъ жалобы принимаетъ... знаете ли, какую онъ штуку сыгралъ съ графомъ А.?... Но это послѣ я вамъ расскажу, если не знаете этого казуса... а теперь, повторяю: отправляйтесь къ нему и все, какъ есть, расскажите. Намъ нужна его заручка; нужно, чтобы онъ пообѣщалъ, что въ случаѣ, если ваша будущая идеальная теща вздумаетъ стать на дыбы, онъ накинетъ на нее уздечку... Понимаете? При этихъ условіяхъ я васъ завтра же повѣнчаю.

Можно себѣ представить нашу радость. Лейтенантъ бросился цѣловать батюшку, называлъ его своимъ благодѣтелемъ, спасителемъ. Мы просидѣли еще съ полчаса, выслушавъ интересный рассказъ о томъ, какъ поступилъ князь Суворовъ съ графомъ А., который отказывался заплатить какому-то разорившемуся ювелиру

двѣнадцать тысячъ за взятые имъ у него очень давно брилліанты; выпили еще на прощаніе по стакану портеру и ушли, очарованные милымъ, добрымъ хозяиномъ, благословляя такую счастливую встрѣчу.

Возвратившись домой, долго мы еще съ лейтенантомъ говорили, обсуждая завтрашній визитъ его къ князю Суворову, причемъ онъ взялъ съ меня слово, что я поѣду съ нимъ.

— Вы хоть издали будете стоять; все же я буду чувствовать себя смѣлѣе, — сказалъ онъ, уходя отъ меня.

Я общалъ, и на другой день въ половинѣ десятого мы выѣхали изъ дому. Намъ нужно было еще завернуть въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ его ждали.

— Она здѣсь уже, вонъ тамъ молится, — сказалъ мнѣ спутникъ дрожащимъ голосомъ, поблѣднѣвъ отъ сильнаго волненія и оставившись у одной изъ громаднѣхъ колоннъ. Я взглянулъ по указанію лейтенанта и былъ очарованъ дивнымъ зрѣлищемъ.

Передъ образомъ Тихвинской Божіей Матери стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка и, устремивъ къ святому лику чудные голубые глаза съ нависшими на рѣсницахъ слезками, вся ушла въ горячую молитву. Вокругъ нея поминутно сновала толпа богомольцевъ; одни изъ нихъ зажигали и ставили свѣчи, другіе то поднимались по ступенькамъ, чтобы приложиться къ образу, то спускались внизъ оттуда, а она, глухая и слѣпая ко всему, что вокругъ нея происходило, не отрывала своего глубокаго взора отъ лика Богоматери. Въ этомъ чистомъ взорѣ свѣтилось столько глубокой вѣры, столько безпредѣльной надежды на ожидаемую помощь, столько покорности и всецѣлаго отданія себя въ тѣ святыя руки, на которыхъ покоился божественный младенецъ, что я невольно схватилъ за руку лейтенанта, шепнувъ ему: «подождите, не мѣшайте ей!».

Но вотъ она встала на ноги. Просвѣтленные чистой молитвой и горячей вѣрой глаза ея мгновенно застала какая-то дума; она разсѣянно взглянула по сторонамъ, и глаза молодыхъ счастливцевъ встрѣтились. Они бросились другъ къ другу, и я поспѣшилъ скрыться за колонну. «Такія молитвы не пропадали даромъ, — думалось мнѣ, — онѣ сильнѣе, дѣйствительнѣе всякихъ княжескихъ протекцій, и мнѣ вѣрится почему-то, что съ этой минуты твое дѣло выиграно, мой милый лейтенантъ».

Среди такой думы я услышалъ окликъ моего имени, и предомной предстали молодые люди. Лице прелестной богомолки сіяло счастьемъ. Она быстро схватила мои руки и, заалѣвъ отъ волненія, стала говорить дрожащимъ голосомъ:

— Я съ вами знакома уже... Онъ мнѣ сейчасъ все сказалъ... Какой вы добрый!.. Чѣмъ мы отблагодаримъ васъ!..

— Успокойтесь, не теряйте надежды,—отвѣчалъ я:—у васъ сильная протекція тамъ,—указалъ я на образъ.

— О, я буду, буду молиться... и буду здѣсь ждать васъ...

Мы поѣхали къ князю Суворову.

Въ пріемной его, такъ называемой красной залѣ, которую потомъ пришлось мнѣ хорошо узнать, было человѣкъ болѣе пятидесяти просителей. Тутъ же сновало множество адъютантовъ и чиновниковъ, которые спрашивали каждого посѣтителя о его дѣлѣ и записывали у себя на памятныхъ листкахъ; одинъ изъ такихъ адъютантовъ тотчасъ подошелъ къ намъ.

— Вы по какому дѣлу?—обратился онъ къ лейтенанту.

— Я хотѣлъ бы лично изложить его свѣтлости мое дѣло,—отвѣчалъ смущенный лейтенантъ.

— Да, вы это сдѣлаете, а теперь потрудитесь сказать мнѣ, въ чемъ ваше дѣло; я долженъ записать и доложить князю въ то время, когда онъ подойдетъ къ вамъ,—настаивалъ адъютантъ.

— Вы меня очень обязали бы, освободивъ отъ этого,—произнесъ сердечнымъ голосомъ лейтенантъ. Адъютантъ пристально взглянулъ ему въ лице.

— Какъ хотите,—сказалъ онъ.—А вамъ что угодно?—обратился онъ ко мнѣ.

— У меня нѣтъ никакого дѣла; я пришелъ подождать здѣсь своего пріятели,—отвѣчалъ я, указывая на лейтенанта.

— Но когда выйдетъ князь, вамъ нужно будетъ удалиться отсюда.

— Я такъ и сдѣлаю,—отвѣчалъ я, отходя и ставъ у двери.

Но вотъ дверь изъ кабинета отворилась; оттуда вышелъ чиновникъ въ вицъ-мундирѣ съ двумя звѣздами ¹⁾; все въ комнатѣ зашумѣло, притихло, и на порогѣ кабинета показалась высокая фигура князя Александра Аркадьевича Суворова. Я первый разъ тогда его видѣлъ и прежде всего обратилъ вниманіе на его открытое лицо и добрые глаза. Окруженный громадной свитой адъютантовъ и чиновниковъ, онъ поочередно началъ подходить къ просителямъ и тутъ же, выслушавъ просьбу, отдавалъ словесныя приказанія своимъ подчиненнымъ. «Справьтесь»,—обращался онъ къ директору канцеляріи. «Поѣзжайте и прямо отъ моего имени къ графу»... говорилъ онъ которому нибудь изъ адъютантовъ. «Скажите Ивану Васильевичу ²⁾», чтобы съ подробной справкой доложилъ мнѣ»,—обращался онъ къ кому нибудь изъ свиты.

Что-то онъ скажетъ моему лейтенанту, подумалъ я, когда приближалась его очередь, и отъ князя его отдѣляли всего лишь двое просителей.

¹⁾ Директоръ канцеляріи, тайный совѣтникъ И. Я. Четыркинъ.

²⁾ Оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-лейтенантъ И. В. Анненковъ.

Но вотъ князь лицомъ къ лицу съ лейтенантомъ; онъ вопросительно глядѣлъ на него, ожидая, что ему скажетъ одинъ изъ докладчиковъ, но и докладчикъ и проситель молчатъ. Я не сводилъ глазъ съ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, лейтенанта; я зналъ, что съ нимъ въ эту минуту лихорадочный пароксизмъ; я это по себѣ чувствовалъ.

— Въ чемъ дѣло?—громко спросилъ князь, устремивъ пытливый взглядъ на лейтенанта.—«Молись, молись, прелестная богомолка!»—прошепталъ я, перенесая мыслію въ Исаакіевскій соборъ.

— Ваша свѣтлость!—произнесъ лейтенантъ дрогнувшимъ голосомъ, и мнѣ показалось, что только въ эту секунду воцарилась въ залѣ глубочайшая тишина:—вспомните свою первую любовь!

Окружавшая князя свита мгновенно колыхнулась и замерла; князь пронизалъ лейтенанта острымъ взглядомъ.

— Что такое?.. растерянно произнесъ онъ.

— Да, ваша свѣтлость,—продолжалъ лейтенантъ все еще дрожащимъ, но уже оправившимся голосомъ, и въ этомъ голосѣ звенѣли тѣ вчерашнія Шопеновскія ноты,—чтобы вы не нашли этого обращенія къ вамъ слишкомъ смѣлымъ, дерзкимъ, чтобы поступокъ мой не казался вамъ безумнымъ, и чтобы, когда вы станете судить меня, въ вашемъ приговорѣ нашло себѣ мѣсто и чувство состраданія, вспомните свою первую молодую любовь!

— Ну, ладно,—отвѣчалъ князь, улыбаясь и этой улыбкой замѣтно подавляя волненіе,—вы, лейтенантъ, обращаете мою память къ слишкомъ отдаленнымъ событіямъ; но я вспомнилъ... Что же дальше?

— Я люблю и любимъ; въ этой любви все счастье нашей жизни, и между тѣмъ въ будущую среду эта дѣвушка должна выйти замужъ за ненавистнаго ей человѣка. Спасите насъ, ваша свѣтлость, спасите разомъ двѣ молодыя жизни,—лейтенантъ мой хотѣлъ еще что-то сказать, но голосъ его оборвался, и онъ сталъ душить слезами. Князь Суворовъ задумался и, наклонивъ голову, разглаживалъ свои брови.

— Но что же я могу для васъ сдѣлать?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

«Молись, молись, прелестная богомолка»,—думалъ я, затаивъ дыханіе.

— Вы можете сдѣлать все, ваша свѣтлость, у васъ много власти и еще больше готовности помогать людямъ,—отвѣчалъ лейтенантъ, поднявъ на князя свои влажные отъ слезъ и полные безпредѣльной надежды глаза.

Князь Суворовъ оставилъ лейтенанта и свиту и пошелъ въ противоположную сторону, къ окну. Тамъ онъ постоялъ съ полминуты, глядя на улицу, затѣмъ повернулся и молча, жестомъ руки, позвалъ

къ себѣ лейтенанта. Они говорили вполголоса не болѣе двухъ минутъ, и затѣмъ князь произнесъ громко:

— Иванъ Яковлевичъ! пошлите сейчасъ же телеграмму въ Кронштадтъ; запросите о служебныхъ и нравственныхъ качествахъ лейтенанта и просите немедленнаго отвѣта.

— Сейчасъ все будетъ исполнено, ваша свѣтлость,— отвѣчалъ чиновникъ съ двумя звѣздами, взявъ лейтенанта подъ руку и повелъ его въ другія комнаты. Я ушелъ домой, какъ потому, что меня ждала срочная, прерванная работа, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что съ этой минуты я уже былъ спокоенъ за судьбу моего лейтенанта.

Въ тотъ же день вечеромъ въ домѣ генеральши Ч. произошла слѣдующая сцена.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, сидѣли хозяйка дома, двѣ ея дочери и камергеръ-женихъ. Послѣдній велъ какой-то оживленный разговоръ; оживленію рассказчика много способствовало то обстоятельство, что невѣста его, за послѣдніе дни постоянно грустная, удрученная и сосредоточенная, въ этотъ день съ утра оказалась веселою, милою, даже внимательною къ нему и, очевидно, вполне примирившеюся съ своею судьбою; это же обстоятельство повліяло и на расположеніе духа самой генеральши, которая, видя такую неожиданно благодатную перемену въ поведеніи упорствующей дочки, была очень мила и ласкова съ ней, какъ бы въ возмездіе за суровость предъидущихъ дней. Вошелъ лакей и на серебряномъ подносѣ подаль генеральшѣ визитную карточку.

— Гдѣ онъ? Что ему нужно?—спросила генеральша, взглянувъ съ удивленіемъ на карточку.

— Тамъ, въ залѣ; говоритъ, что по очень важному дѣлу,— отвѣчалъ лакей.

— Странно... просите его сюда.

Не успѣла генеральша сообщить окружавшей ее семейной группѣ своего недоумѣнія, вызваннаго лежавшей передъ ней визитной карточкой, какъ въ комнату вошелъ высокій, стройный мужчина въ мундирѣ полковника; всѣ съ любопытствомъ взглянули на вошедшаго. Была тутъ только пара прелестныхъ глазокъ, которые мгновенно опустились, и лице, которое украшали эти глазки, сильно поблѣднѣло.

— Имѣю честь представиться,— началъ полковникъ твердымъ голосомъ, обратясь къ хозяйкѣ и назвавъ свою фамилію.—Я прибылъ къ вашему превосходительству по приказанію свѣтлѣйшаго князя Суворова.

— Что вамъ угодно?..—растерянно произнесла хозяйка.

— Мнѣ нужно прежде всего знать, которая изъ вашихъ дочерей Елена?

— Я! — отвѣчалъ глухой голосъ, и Елена впервые смѣло остановила свои глаза на полковникѣ.

— Потрудитесь отвѣтить мнѣ, mademoiselle, дѣйствительно ли вы любите лейтенанта И. и согласны выйти за него замужъ.

— Это что такое!.. — вскрикнула генеральша. — Какъ вы смѣете!..

— Я, ваше превосходительство, въ точности исполняю волю моего начальника, свѣтлѣйшаго князя, — съ достоинствомъ отвѣтилъ полковникъ. — Я жду вашего отвѣта на мой вопросъ, — обратился онъ къ Еленѣ.

Тутъ центръ тяжести общаго вниманія перенесся на ту, которая должна была отвѣчать на предложенный полковникомъ роковой вопросъ.

— Я люблю того, о комъ вы меня спрашиваете, — твердо отвѣтила она, — и согласна выйти замужъ только за него.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ полковникъ, обращаясь къ ошеломленной генеральшѣ, — его свѣтлость приказали мнѣ передать вашему превосходительству его покорнѣйшую просьбу немедленно изъяснить ваше согласіе на свадьбу вашей дочери Елены съ лейтенантомъ И.

— Но какое право имѣетъ князь вашъ вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла? — говорила, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, изступленная генеральша. Она, видимо, напрягала всѣ усилія остаться на высотѣ великосвѣтскаго такта, но, увы, тщетно: случай былъ ужъ слишкомъ исключителенъ. — Не угодно ли вамъ, полковникъ, немедленно оставить меня и мое семейство въ покоѣ.

— Я исполню ваше справедливое требованіе, — отвѣчалъ съ прежнимъ достоинствомъ полковникъ, — но я жду вашего категорическаго отвѣта, съ которымъ долженъ явиться къ свѣтлѣйшему князю въ Зимній дворецъ. Его свѣтлость въ настоящую минуту у государя.

Послѣднія слова полковника произвели магическое дѣйствіе.

— Доложите князю, что отвѣтъ я дамъ ему лично завтра же, — задыхаясь, произнесла генеральша.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ полковникъ. — Въ которомъ часу завтра князь можетъ разсчитывать на честь вашего посѣщенія?

— Я буду у князя между двѣнадцатью и часомъ.

— Слушаю-съ. Имѣю честь откланяться, — и, сдѣлавъ общій поклонъ, полковникъ удалился.

«Дальше нечего разсказывать», — говорила потомъ героиня романа. Это былъ тяжелый вечеръ; это былъ вечеръ слезъ, истерики, обмороковъ, заклинаній, проклятій, но вмѣстѣ это былъ для нея лично вечеръ высокаго подъема духа и окрыленной восторгомъ надежды на счастье. Этотъ же вечеръ былъ и послѣднимъ, когда она видѣла злополучнаго камергера.

Не было еще двѣнадцати часовъ, когда на другой день къ дому

генеральши Ч. подкатила коляска, и изъ нея вышелъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ въ мундирѣ и лентѣ.

— А я къ вамъ сватомъ, прелестная генеральша, — встрѣтилъ онъ вышедшую и растерянную хозяйку: — явился бить челомъ за достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ быть вашимъ зятемъ лейтенанта И.

Дальнѣйшій разговоръ князя съ генеральшей, длившійся добрые полчаса, остался неизвѣстенъ, потому что собесѣдники ушли въ кабинетъ, и оттуда слышны были лишь слезные вздохи хозяйки и добрый, ласковый, но звучавшій все время непреклонной рѣшимостью голосъ князя.

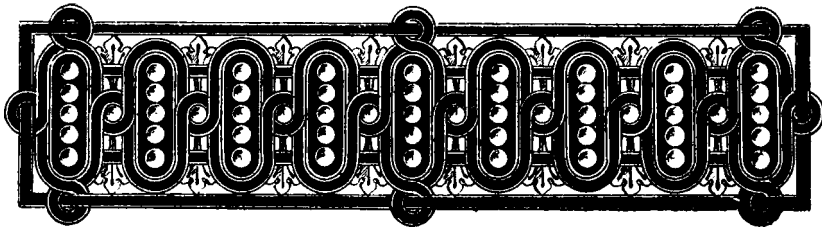
Въ среду была парадная свадьба лейтенанта И. съ Еленою Ч. И замѣчательно, что вѣнчаніе происходило въ церкви Николы Морскаго, настоятеля которой мы, къ счастью, быть можетъ, не застали дома во время нашихъ съ лейтенантомъ экскурсій. Почему знать, быть можетъ, если бы мы застали его дома, дѣло приняло бы другой оборотъ, такъ какъ домъ генеральши Ч. принадлежалъ къ приходу этого батюшки; послѣдній былъ старымъ знакомымъ генеральши и давнимъ духовникомъ ея.

На третій день послѣ свадьбы новобрачные сдѣлали мнѣ честь, были у меня съ визитомъ, а отъ меня отправились въ Подъяческую улицу къ протоіерею К. благодарить его отъ души за указаніе вѣрнаго пути къ счастью.

Гдѣ вы теперь, милые, симпатичные, такъ любовно ворковавшіе тогда голуби? Живы ли, здоровы? много ли у васъ внучать? Сердечный вамъ привѣтъ изъ-за тридцатилѣтняго пространства!

В. М. Сикевичъ.

БЫЛЫЯ ВСТРѢЧИ ¹⁾.

III.

Въ артистическомъ мірѣ.

ВЪ ОДНОМЪ изъ весеннихъ нумеровъ еженедѣльной газеты «Русскій Міръ», въ 1862 году, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: Русская артистка Леонова. Статья эта произвела тогда рѣшительную сенсацію въ театральномъ мірѣ и стоила не малыхъ хлопотъ автору ея, скрывшему свою фамилію подъ псевдонимомъ Мелетьевъ. Черезъ тридцать лѣтъ можно сознаться, что эту статью написалъ я, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

До тѣхъ поръ я зналъ почтенную Дарію Михайловну Леонову только по сценѣ; ближе, чѣмъ партеръ отъ сцены, я никогда и не видѣлъ знаменитой тогда артистки, что не мѣшало мнѣ, однако, быть ей глубоко обязаннымъ многими часами высокаго наслажденія, которымъ дарила она посѣтителей Маріинскаго театра; во мнѣ и теперь живо еще впечатлѣніе, испытанное мной, когда я первый разъ услышалъ ея незабываемое: ахъ, не мнѣ бѣдному.

Но вотъ кончился театральнй сезонъ; прекратилась на цѣлые семь мѣсяцевъ возможность упиваться театральными восторгами, и насталъ скучнѣйшій сезонъ концертовъ съ неизбѣжными живыми

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LI, стр. 758.

картинами. Театры и особенно Маріинскій были единственнымъ развлеченіемъ, которое сильно отвлекало меня отъ занятій, такъ что съ наступленіемъ великаго поста я усилилъ свою работу, довольный, что застрахованъ теперь до будущей осени отъ всякихъ соблазновъ.

Вдругъ мнѣ попадаетъ афиша, изъ которой узнаю, что на дняхъ въ залѣ Благороднаго Собранія имѣетъ быть концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ медико-хирургической академіи, при благосклонномъ участіи артистки императорскихъ театровъ Д. М. Леоновой.

Ну, какъ не пойти? Во-первыхъ, и цѣль очень хорошая, а главное,—въ концертѣ участвуетъ Леонова.

Зала Благороднаго Собранія была переполнена публикой; начало концерта замедлилось вслѣдствіе неприбытія одного изъ участвующихъ артистовъ, который долженъ былъ пѣть въ первомъ номерѣ; объ этомъ стало извѣстнымъ и публикѣ отъ распоряжавшейся внѣшней стороною концерта академической молодежи, и потому, въ числѣ другихъ, я направился въ буфетъ покурить и выпить стаканъ чаю; но не успѣлъ я сдѣлать ни того ни другого, какъ въ залѣ раздались аккорды фортепіано, и вслѣдъ за ними покатился широкой волной чудный голосъ Леоновой, № которой стоялъ въ афишѣ вторымъ по порядку. Всѣ, кто былъ въ буфетѣ, поспѣшили въ залу и этимъ произвели неизбѣжный шумъ; боясь быть невольнымъ участникомъ въ этомъ безпорядкѣ, я остановился у двери, а такъ какъ тутъ же рядомъ находилась комната, откуда исполнители концерта выходили на эстраду, то я, признаюсь, не безъ робости вошелъ въ эту комнату, чтобы ближе слушать пѣніе знаменитой артистки. Теперь я не помню, что она пѣла тогда, но лишь затихъ послѣдній звукъ дивнаго ея голоса, какъ взрывъ и цѣлая буря аплодисментовъ огласили залу; оваціи шли все *crescendo*, и артистка, спѣвъ на *bis* какой-то романсъ, не скоро могла покинуть эстраду. Глубоко взволнованная, со слезами на глазахъ, она вошла въ ту комнату, гдѣ находились другіе исполнители, и куда и я попалъ, какъ выше сказано, совершенно случайно. И въ этой комнатѣ встрѣтили ее дружные аплодисменты, причемъ распорядители стали выражать ей глубокую благодарность за то, что она открыла концертъ не въ очередь своего нумера.

— А Васильева, все-таки, нѣтъ,—сказалъ одинъ изъ распорядителей:— что это значить? пріѣдетъ ли онъ и нужно ли оповѣстить публику объ измѣненіи концертной программы?

— Оповѣщайте, — отвѣчала Леонова, — я увѣрена, что онъ не пріѣдетъ.

— Но почему?

— Потому что я участвую въ концертѣ.

Всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на артистку.

— Васъ это удивляетъ?—обратилась она къ распорядителямъ съ грустной улыбкой:—вы, быть можетъ, подумали, что мы съ Васильевымъ въ ссорѣ? нисколько; онъ не правъ только предъ вами, давъ слово участвовать въ концертѣ и не сдержавъ своего слова; относительно же своихъ выгодъ онъ поступилъ вполнѣ практично, и этотъ поступокъ его будетъ оцѣненъ по достоинству.

— Кѣмъ оцѣненъ?—спросилъ кто-то.

— Павломъ Степановичемъ Ѳедоровымъ, кѣмъ же другимъ,—отвѣчала Леонова, какъ будто удивленная обращеннымъ къ ней вопросомъ.

Слѣдующій нумеръ былъ А. Г. Контскаго и, пока онъ исполнялъ на эстрадѣ этотъ нумеръ, мнѣ пришлось услышать грустную повѣсть изъ закулиснаго міра нашей артистки.

— Развѣ вы ничего этого не знаете?—обратилась она къ окружающимъ.—Отъ благоволенія Ѳедорова, такъ же какъ отъ немилости его, зависитъ и вся сценическая судьба и самое существованіе каждого артиста. Я больше чѣмъ въ немилости у этого сильнаго человѣка. Я въ полной у него опалѣ. Почему, этого я не могу сказать; это дѣло его и моей совѣсти... И вотъ, понятно, чтобы угодить ему, нужно чѣмъ нибудь досадить мнѣ; и чѣмъ значительнѣе будетъ эта моя досада, тѣмъ большее выйдетъ угожденіе моему врагу-начальнику. Вотъ почему Васильевъ отказался участвовать въ одномъ со мной концертѣ! Завтра, конечно, Ѳедоровъ узнаетъ объ этомъ и усилитъ къ нему свою благосклонность; но мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно, а главное не больно...

Леонова остановилась, глубоко взволнованная, и на глазахъ ея показались слезы.

— Да, господа, бываетъ больно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вотъ тутъ, среди васъ, я спокойна, по крайней мѣрѣ, за свою личную безопасность. Вотъ тамъ, на эстрадѣ, я пѣла, меня слушали, аплодировали, добрая публика растрогала меня своимъ лестнымъ вниманіемъ, и я прямо съ эстрады спокойно вошла въ эту комнату. А знаете ли, во что обходятся мнѣ такіе аплодисменты и вниманіе публики тамъ, за кулисами Маріинскаго театра? Не успѣютъ опустить занавѣсъ, не успѣю я добраться до своей уборной, какъ меня встрѣчаетъ иногда такой толчокъ въ бокъ или спину, конечно, нечаянно, съ извиненіемъ, что у меня въ глазахъ потемнѣетъ, голова закружится. Какой нибудь добрый, а главное смѣлый человѣкъ дастъ мнѣ воды, я выпиваю глотокъ, мнѣ не много лучше... а тамъ, въ театральной залѣ, гулъ стоитъ отъ аплодисментовъ и вызововъ; публика зоветъ меня на сцену; это придаетъ мнѣ силъ, я собираюсь съ ними, выхожу, улыбаюсь сквозь душадія меня слезы, чувствую себя сразу сугубо вознагражденною за нанесенное мнѣ за кулисами оскорбленіе и въ то же время

трепещу при мысли, что съ опущеніемъ занавѣса я вновь подвергнусь грубой обидѣ. И, повѣрьте, я строго не осуждаю этихъ кулисныхъ моихъ обидчиковъ; въ сущности, это не злой народъ, и я глубоко убѣждена, что при встрѣчѣ со мной имъ сцены имъ совѣстно въ глаза мнѣ взглянуть; но имъ хлѣба нужно, нужно жить, и вотъ они добываютъ этотъ хлѣбъ, насилуя большей частью свою совѣсть и стараясь всячески заслужить милость и благоволеніе челоуѣка, отъ воли котораго зависитъ вся ихъ судьба.

Я до глубины души былъ возмущенъ тѣмъ, что мнѣ нечаянно пришлось услышать; съ нетерпѣніемъ ждалъ я окончанія концерта, котораго не могъ покинуть только потому, что послѣднее отдѣленіе заканчивалось нумеромъ Леоновой. Прийдя домой, я схватилъ перо и написалъ горячую статью: «Русская артистка Леонова». Это было въ пятницу, а въ субботу статья моя уже набиралась въ типографіи для воскреснаго № «Русскаго Мира». Редактора-издателя А. С. Героглифова я успокоилъ на счетъ статьи, увѣривъ его, что свѣдѣнія, сообщаемыя мной, почерпнуты изъ самовѣрнѣйшаго источника, и что я беру на себя всю отвѣтственность за послѣдствія, если бы таковыя приключились. За пропускъ моей статьи цензоромъ я не боялся, во-первыхъ, потому, что, кромѣ фамиліи Леоновой, въ ней не были упомянуты другія фамиліи, такъ же какъ и источникъ моихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается за кулисами императорскихъ театровъ, а, во-вторыхъ, въ началѣ 1862 года цензура наша была еще довольно благосклонна и не нагоняла на пишущую братію тѣхъ ужасовъ, которые пришлось мнѣ испытывать впослѣдствіи, особенно во время моего редакторства.

Въ концѣ настоящей главы я расскажу о непріятныхъ для меня послѣдствіяхъ отъ этой статьи, а теперь скажу о ближайшихъ и неожиданно пріятныхъ ея послѣдствіяхъ.

Въ воскресенье утромъ мнѣ принесли № «Русскаго Мира», и я съ удовольствіемъ прочиталъ въ немъ пропущенное цѣликомъ свое произведеніе. Не успѣлъ я, окончивъ чай, приняться за работу, которая была на очереди, какъ ко мнѣ постучали въ дверь, и затѣмъ предо мной предсталъ незнакомый господинъ.

— Позвольте узнать, вы господинъ Сикевичъ? — сказалъ вошедшій.

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣчалъ я, подходя къ гостю.

— Имѣю честь представиться — Ал. Ив. Г—ерь.

— Чему обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ?

— Я мужъ артистки Леоновой и явился къ вамъ по поводу статьи вашей, помѣщенной въ сегодняшнемъ № «Русскаго Мира».

Прежде всего я почему-то почувствовалъ себя сконфуженнымъ такимъ неожиданнымъ признаніемъ моего посѣтителя, и во мнѣ явилась рѣшимость отказаться отъ авторства.

— О какой статьѣ говорите вы?—спросилъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

Гость мой въ свою очередь тоже не мало удивился.

— О статьѣ: «Русская артистка Леонова»...—недоумѣло произнесъ онъ:—вѣдь это ваша статья,—продолжалъ онъ, доставъ изъ кармана № газеты и указывая мнѣ на заглавіе статьи.

— Нѣтъ, не моя; вы ошиблись,—отвѣчалъ я, чувствуя, что плохо владѣю собою и съ трудомъ побѣждаю смѣхъ.

— Извините... мнѣ сказали... какъ же это... простите, пожалуйста...—и мой гость, сконфуженный, поспѣшилъ удалиться.

По уходѣ моего посѣтителя мнѣ стало неловко и совѣстно предъ нимъ. И откуда онъ узналъ о моемъ авторствѣ? — думалъ я. И какъ это, она—Леонова, а онъ, мужъ ея,—Г—ерь? Зачѣмъ онъ съ такой поспѣшностью отыскалъ меня и явился? А что, если эта статья произвела непріятное впечатлѣніе на Леонову, и она прислала ко мнѣ мужа своего, чтобы потребовать объясненій, какъ объ источникѣ сообщенныхъ мной свѣдѣній изъ закулиснаго міра, такъ и о правѣ, по которому я позволилъ себѣ, безъ личнаго на то разрѣшенія артистки, огласить въ печати ея положеніе въ этомъ мірѣ? Вотъ, пожалуй, и оправдается пословица: не спросяся броду..., и чувство глубокой симпатіи къ артисткѣ Леоновой и негодованіе къ ея обидчикамъ преподнесутъ мнѣ въ концѣ концовъ одно изъ донкихотскихъ вознагражденій.

Среди такихъ размышленій я услыхалъ новый стукъ въ мою дверь, и предъ моими глазами предсталъ тотъ же недавній посѣтитель мой, назвавшійся мужемъ артистки Леоновой.

— Нѣтъ, какъ хотите, а я такъ отъ васъ не уйду, — началъ онъ:—я сейчасъ опять былъ въ редакціи «Русскаго Міра», и мнѣ навѣрное сказали, что статью: «Русская артистка Леонова», написали вы.

— Ну, хорошо, положимъ и я; что же вамъ угодно?—обратился я къ гостю.

— Такъ вы? сознаетесь?—схватилъ тотъ мои руки.

— Я.

— Дорогой! ѣдемъ-те, пожалуйста, скорѣе!

— Куда?—изумился я.

— Къ моей женѣ, къ Даріи Михайловнѣ; она приказала мнѣ безъ васъ не возвращаться домой... Ради Бога, поспѣшите доставить ей великое удовольствіе познакомиться съ вами и отъ души поблагодарить васъ за вашу горячую защиту.

— Но помилуйте... началъ было я.

— Неужели вы откажетесь порадовать мою жену? Неужели захотите, чтобы она сама была сейчасъ вотъ тутъ у васъ?

— Что вы, что вы!...—отвѣчалъ я, торопясь собраться.

Черезъ полчаса я былъ у Даріи Михайловны, на углу Могилевской улицы и набережной Фонтанки, у цѣпнаго Египетскаго моста.

— Садитесь, пожалуйста; жена сейчасъ выйдетъ... Съ этими словами мой новый знакомый, оставивъ меня въ гостинной, поспѣшно ушелъ въ другія комнаты. Я сѣлъ у окна и сталъ разсматривать богатую и главное художественную обстановку гостинной. Вотъ не думалъ, не гадалъ очутиться у артистки Леоновой; и какъ мнѣ неловко будетъ выслушивать отъ нея благодарность, да и за что?... хорошо ли я сдѣлалъ, что призналъ свое авторство? хорошо ли сдѣлалъ, согласившись поѣхать сюда?... — Дашенька! спой романсъ! — раздалось у меня надъ самымъ ухомъ; я вскочилъ, осмотрѣлся кругомъ и тутъ только замѣтилъ, что рядомъ со мной стоитъ громадная клѣтка съ сѣрымъ попугаемъ. Въ то же время гдѣ-то тамъ, вдали, раздался звонкій, неудержимый смѣхъ, ко мнѣ подбѣжали три граціозныя левретки и вслѣдъ за ними вошла хозяйка.

— А мой попка успѣлъ уже представиться вамъ,—начала она, продолжая хохотать... Голубчикъ! какъ мнѣ выразить вамъ свою благодарность за вашу благородную защиту, — сказала Леонова, взявъ мои руки, и на глазахъ ея блеснули слезы.

— О, помилуйте... за что меня благодарить... — бормоталъ я, совсѣмъ сконфуженный.

— За что благодарить... — съ грустью продолжала Леонова. — Какъ же не благодарить, когда мое исключительное положеніе въ закулисномъ мірѣ не тайна для петербургскаго общества, и между тѣмъ вы первый такъ громко и смѣло возвысили вашъ голосъ въ мою пользу!

Съ этого дня началось знакомство мое съ артисткой Леоновой, и я получилъ приглашеніе бывать у нея по субботамъ. Дарія Михайловна вообще отличалась широкимъ, истинно русскимъ гостепріимствомъ, а въ субботники свои она, сверхъ того, вносила столько артистической умѣлости, столько художественнаго вкуса, что, вращаясь потомъ въ разныхъ сферахъ петербургскаго общества, я не помню ассамблей, которыя представляли бы столько высокаго интереса, какъ субботнія ассамблеи Леоновой. Помимо хозяйки, которая всегда была главнымъ центромъ общаго оживленія на своихъ вечерахъ, этому интересу не мало способствовалъ и самый подборъ большинства гостей ея. Начну съ покойнаго композитора А. Н. Сѣрова.

Сѣровъ, помимо музыкальнаго своего таланта, владѣлъ литературнымъ перомъ и даромъ живаго слова. Разсказывалъ онъ увлекательно, не жалѣя, конечно, краснаго словца, и свою рѣчь умѣлъ часто подчеркнуть такимъ юморомъ, что общій гомерическій смѣхъ иногда на цѣлую минуту прерывалъ продолженіе интереснаго разсказа, а самъ разсказчикъ въ продолженіе этой минуты смотрѣлъ

на смѣющихся, казалось, недоумѣлыми глазами, словно не понимая, въ чемъ дѣло, и это выраженіе лица его еще болѣе усиливало смѣхъ и общее веселое настроеніе. Въ моей памяти, при помощи дневника, и теперь сохранились два его разсказа: одинъ о томъ, какъ онъ, будучи маленькимъ чиновникомъ и служа гдѣ-то на югѣ Россіи, привелъ въ неописанный ужасъ мѣстнаго губернатора и жандармскаго полковника словомъ діапазонъ. Слово это онъ помѣстилъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ отчетѣ о концертѣ какой-то проѣзжей артистки или артиста. И вотъ, когда появился № «Губернскихъ Вѣдомостей» съ этой статьей, вся губернская публика, а пуще всего предрержація власти стали втупикъ. Всѣ задались вопросами: что бы могло означать это слово діапазонъ? Губернаторъ и жандармскій полковникъ были люди крайне благонамѣренные и чрезвычайно чуткіе ко всякаго рода новшествахъ; обоихъ ихъ діапазонъ сперва смутилъ, а потомъ повергъ въ немалую тревогу; къ тому же,—говорилъ Сѣровъ,—и время было непутевое: конецъ сороковыхъ годовъ; съ запада и особенно съ сосѣдней австрійской границы шли разные неблагоприятные запахи; а тутъ я почему-то попалъ въ мѣстные либералы; а тутъ вдругъ этотъ діапазонъ... Было надъ чѣмъ задуматься властямъ. Думали онѣ, думали и рѣшились на слѣдующую невинную хитрость: сижу я,—говорилъ Сѣровъ,—у себя на квартирѣ и помышляю о превратности судебъ, закинувшихъ меня въ глухую даль отъ центра жизни вообще и отъ музыкальнаго міра, къ которому всегда рвался я всей душой, въ особенности. Входитъ ко мнѣ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и сразу бросается въ мои объятія.

— Здравствуйте, дорогой Александръ Николаевичъ! Явился обнять васъ, разцѣловать и поблагодарить и отъ себя и отъ нашихъ милыхъ дамъ и отъ моего принципала за вашу неподобную статью въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Какая прелесть! сколько знанія, сколько знанія! ну, и потомъ... какъ хотите... одинъ уже стиль вашъ чего стоитъ... это такъ мило и притомъ такъ ново... вотъ хотя бы этотъ... діапазонъ... просто!... кстати, скажите, пожалуйста, кто изъ насъ правъ; мы сегодня порядкомъ таки поспорили о точномъ значеніи этого слова... Что вы собственно разумѣете подъ этимъ словомъ?

По возбужденному лицу, съ которымъ неожиданно предсталъ предо мной гость, по плохо замаскированному его любопытству, я сразу смекнулъ, что онъ не спроста ко мнѣ явился; когда же онъ договорился до діапазона и, широко раскрывъ глаза, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ моего отвѣта, я почти догадался, въ чемъ дѣло.

— Извините,—отвѣчалъ я упавшимъ голосомъ и робко опустивъ глаза:—я не могу отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Но почему?—вскинулся чиновникъ, привскочивъ на мѣстѣ и хватая мою руку.

— Видите ли,—отвѣчалъ я совсѣмъ уже оробѣвшимъ голосомъ,— я васъ очень уважаю и нахожу ложь несовмѣстной съ чувствами, которыя къ вамъ питаю; сказать же правду... будьте такъ любезны, перемѣнимъ этотъ тяжелый для меня разговоръ.

Я выстрѣлилъ безъ промаха; возбужденію моего гостя не было предѣловъ. Прежде всего пошли въ ходъ сердечныя изліянія.

— Александръ Николаевичъ! дорогой! За что, за что такая обида? Я ли далъ вамъ поводъ сомнѣваться въ моемъ идеальнѣйшемъ къ вамъ уваженіи и въ чувствахъ самоотверженной дружбы? Вотъ вы изволили сказать, что уважаєте меня, и повѣрьте, никакое благоволеніе ко мнѣ моего начальства не вызоветъ такого восторга, какое я испыталъ отъ лестнаго вашего признанія... За что же вдругъ такое незаслуженное, обидное недовѣріе?

— Довольно!—воскличаю я, схвативъ руки собесѣдника и крѣпко ихъ пожимая:—вы меня тронули; вамъ я готовъ раскрыть всю мою душу... Вѣрю, что вы не употребите во зло мое довѣріе, не выдадите меня; знайте же: діапазонъ—это условный революціонный терминъ; онъ означаетъ: читай между строчекъ.

— Можете вообразить, что изъ всего этого вышло?—закончилъ свой рассказъ Александръ Николаевичъ.—На другой же день зоветъ меня къ себѣ губернаторъ и настрого приказываетъ, чтобы я, подъ опасеніемъ быть выгнаннымъ въ 24 часа туда, куда Макарь телятъ не гоняетъ, не смѣлъ печатать гдѣ бы то ни было ни единой строчки.

— Вы думаете, — кричалъ онъ, — что вы здѣсь единственный умница, что между вашими строчками никто ужъ и прочитатъ не сѣмѣетъ?.. Я вамъ задамъ такого діапазона, что вы будете имъ же самимъ, этимъ діапазономъ, до новыхъ вѣдѣній почесываться.

Въ другомъ рассказѣ Сѣровъ передавалъ намъ событія изъ жизни знаменитаго въ своемъ родѣ композитора Лазарева, слышавшаго въ то время въ Петербургѣ подъ именемъ абиссинскаго маэстро, а также и подробности о концертѣ, устроенномъ этимъ Лазаревымъ въ домѣ Кононова, гдѣ маэстро, дирижируя громаднымъ оркестромъ, хотѣлъ познакомить избранную петербургскую публику съ своей геніальной ораторіей Сотвореніе міра.

— Титулъ абиссинскаго маэстро,—рассказывалъ Сѣровъ, — получилъ Лазаревъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Задумавъ писать свою геніальную ораторію, Лазаревъ отправился на востокъ, съ цѣлью изучить на мѣстѣ первозданной природы всѣ тѣ ея явленія, которыми могло обозначаться сотвореніе міра; ему нужно было подслушать тамъ и тихое дуновеніе легкаго зефира и всей смертоносной бури, мелодическій лепетъ горнаго ручья и рокотъ волнъ бушующаго моря, сладкое щебетанье райской птички и страшный

ревъ разъяреннаго тигра; ему нужно было тамъ установить гармоническую закономерность тѣхъ звуковъ природы, которыми сопровождались борьба стихій, появленіе среди тьмы перваго свѣтлаго луча, отдѣленіе воды отъ земли, прозябаніе первыхъ травъ, появленіе рыбъ, птицъ, безсловесныхъ тварей и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, человѣка съ его первымъ крикомъ жизнерадостнаго восторга. И вотъ Лазаревъ, одинъ, съ печатью безсмертнаго генія на высокомъ челѣ своемъ, обходитъ города и веси, моря и рѣки, холмы и долины, чутко прислушиваясь къ звукамъ окружающей его природы и, при помощи никогда не разлучнаго съ нимъ тромбона, внося въ эти звуки гармоническую закономерность и подчиняя ихъ законамъ музыкальнаго ритма.

— Долго ли, мало ли, начавъ свою музыкальную экскурсію съ долины Тигра и Евфрата, путешествовалъ нашъ сѣверный Гайднъ по азіатскимъ стогнамъ, весямъ и дубравамъ, и вотъ геніальная звѣзда его, служившая ему вмѣсто путеводнаго компаса, привела его къ африканскимъ побережьямъ. Еще и раньше тучная корпуленція пилигрима начала томиться отъ невыносимаго зноя, такъ что онъ постепенно освобождалъ себя отъ верхнихъ покрововъ одежды, и, приближаясь къ Африкѣ, могъ еще оставаться въ одномъ лишь бѣльѣ; здѣсь же и этотъ туалетъ явился для него тяжелымъ грузомъ, и онъ, томимый африканскимъ зноемъ, заблагоразсудилъ очутиться въ одѣяніи праотца Адама. Въ такомъ видѣ, не измѣняя лишь своему вѣрному тромбону, шелъ онъ впередъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, словно изъ засады, выскочила горсть чернокожихъ, мгновенно окружила Лазарева и съ сіяющими отъ восторга лицами схватила его и понесла на головахъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Черезъ какой нибудь часъ быстрой бѣготни эѳіопы внесли свою драгоценную ношу въ роскошный шатеръ и бережно положили ее у ногъ своего эѳіопскаго повелителя. Послѣдній, забывъ подобающее его сану величавое спокойствіе, вскочилъ съ мѣста и, дико захохотавъ, сталъ какъ мальчишка прыгать вокругъ распластанной находки, издавая восторженные звуки и ударяя въ ладоши. Немедленно въ шатеръ вошелъ широкоплечій эѳіопъ съ блеснувшимъ въ его рукахъ, какъ молнія, широкимъ ножомъ и первымъ дѣломъ поставилъ тромбониста на ноги; тутъ между вошедшимъ и повелителемъ произошелъ какой-то оживленный разговоръ, во время котораго повелитель давалъ щелчки по спинѣ и ляжкамъ Лазарева, сопровождая каждый такой щелчокъ неистовымъ почмокиваніемъ губами; собесѣдникъ же его, напротивъ, прикладывая ножъ плашмя къ болѣе выпуклымъ пунктамъ сверкавшаго своей бѣлизной тѣла, почти отставивалъ свои соображенія. Весь погрузившись въ музыкальное творчество, Лазаревъ до сихъ поръ не замѣчалъ ни того, что онъ схваченъ эѳіопами, ни того, что онъ очутился въ шатрѣ и служить

предметомъ общаго нескрываемаго восторга и спора между любующимися его тѣломъ собесѣдниками; но когда, вѣроятно, въ защиту своихъ доводовъ одинъ изъ этихъ собесѣдниковъ моментально отхватилъ ножомъ кусочекъ изъ самой рельефной части его тѣла и преподнесъ на томъ же ножѣ своему владыкѣ въ подтвержденіе своихъ соображеній, Лазаревъ изъ міра звуковъ вдругъ очутился во власти болѣзненнаго ощущенія и, вскрикнувъ отъ боли, проговорилъ: «что это хотятъ со мной дѣлать?». Въ числѣ окружающихъ владыку оказался драгоманъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, и тотъ повелъ съ Лазаревымъ слѣдующую бесѣду: «Великій нашъ абиссинскій повелитель удостоиваетъ тебя, о счастливѣйшій изъ человѣковъ, величайшей чести и славы, какая только можетъ быть суждена смертному. Онъ повелѣваетъ предстоящему здѣсь придворному своему повару приготовить изъ тебя восемнадцать блюдъ къ сегодняшнему обѣду. Ты, о избранникъ отъ рожденныхъ бѣлою женщиной, сподобишься сегодня неувядаемой славы, усладить чрево великаго нашего владыки въ четырехъ разнovidныхъ паштетахъ, въ котлетахъ подъ четырьмя различными соусами, въ четырехъ ростбифахъ и столькихъ же бифштексахъ; башка твоя, гарнированная черепахами, цѣликомъ пойдетъ подъ студень, а оконечности предназначены для супа изъ потроховъ. Возблагодари же, о счастливѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ, лучезарную судьбу свою и отправляйся своимъ райскимъ путемъ въ котель съ кипяченой водой, откуда, согласно волѣ и вкусу нашего владыки, ты будешь вынуть для точнаго распредѣленія по сковородамъ и кастрюлямъ!»

— Когда драгоманъ окончилъ свое воззваніе, сопровождавшееся нетерпѣливымъ почмокиваніемъ губъ эіопскаго повелителя, Лазаревъ поднесъ къ своимъ губамъ тромбонъ и сталъ отчаянно трубить тотъ хоръ архангеловъ, которые, по его музыкальному замыслу, должны были возвѣстить будущей земной планетѣ о предстоящемъ ея возникновеніи... Но тутъ произошла никѣмъ непредвидѣнная случайность: позади повелительскаго трона заколыхался ковровый пологъ, и оттуда одна за другой ринулись въ средину шатра двѣнадцать чернокожихъ дѣвъ; окруживъ со всѣхъ сторонъ тромбониста колѣнопреклоненной лентой, онѣ стали умолять своего владыку отказаться отъ его гастрономическихъ вожделѣній и подарить имъ цѣликомъ и живьемъ вкуснаго бѣлаго музыканта. Сначала повелитель эіоповъ и слышать не хотѣлъ о такомъ необывало дерзостномъ домогательствѣ своихъ женъ; онъ заткнулъ пальцами свои уши и, продолжая неистово чмокать губами, издалъ такой, полный ужаса ревъ, что заглушилъ было музыкальное *furioso* тромбона, но въ концѣ концовъ, видя, что настоянія всѣхъ двѣнадцати женъ принимаютъ уже революціонные размѣры, долженъ былъ сдаться и тутъ же порѣшилъ отказаться отъ своихъ чревоугодныхъ замысловъ, даровавъ бѣлому, вкусному музыканту жизнь,

а съ ней и званіе придворнаго абиссинскаго маэстро. Но плотоядный владыка схитрилъ передъ своими очаровательницами, о чемъ одна изъ нихъ тотчасъ же провѣдала и предостерегла маэстро, что рано или поздно, а, можетъ быть, и очень скоро ему не уйдти отъ котла съ кипяченой водой, отъ сковородъ и кастрюлей, ибо повелитель ихъ отъ разъ разыгравшагося аппетита къ бѣлому мясу не способенъ былъ отказаться, какъ были тому неоднократно уже примѣры. Сія же измѣнница эеіопскому гарему доставила великому маэстро случай и возможность бѣжать изъ плѣна.

— И вотъ онъ въ Петербургѣ. Окончивъ свою безсмертную ораторію, Лазаревъ организовалъ оркестръ изъ четырехсотъ человѣкъ, работалъ съ ними нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, оповѣстилъ огромными, въ видѣ простыней, афишами петербургскую публику, что онъ дастъ свою ораторію подъ личнымъ дирижерствомъ въ домѣ Руадзе (нынѣ Кононова). Въ концертъ собралось столько публики, что яблоку негдѣ было упасть; здѣсь былъ весь петербургскій beau-monde. Исполнители заняли свои мѣста на огромной эстрадѣ; послѣ третьяго звонка въ залѣ воцарилась глубокая тишина, и Лазаревъ съ дирижерской палочкой въ одной рукѣ, съ конспектомъ ораторіи въ другой вошелъ и занялъ мѣсто впереди музыкантовъ.

«Борьба стихій, и вслѣдъ затѣмъ первый лучъ свѣта пронизываетъ сѣрую мглу!»—громко прокричалъ онъ и, высоко поднявъ палочку, махнулъ ею надъ своей головой. Загрохотали барабаны, загудѣли басы и контрабасы, завывли гобои и волторны... Въ это время произошло нѣчто экстраординарное: изъ среднихъ рядовъ публики на эстраду полетѣло нѣсколько картофелинъ; одна угораздила въ самый ротъ дирижеру, другая, скользя рикшетомъ по контрабасу, задѣла по носу одного изъ скрипачей... «Злой духъ врывается въ сферу Божьяго мірозданія!»—кричитъ Лазаревъ, неистово махая своей палочкой и ободряя растерявшихся музыкантовъ, которые, такъ же какъ и публика, повѣрили этому, думая, что неожиданный картофельный инцидентъ явился составнымъ элементомъ концертной программы. Черезъ полминуты общее смятеніе затихло, и музыканты принялись за прерванное дѣло... «Тьму одолеваетъ свѣтъ!»—кричитъ Лазаревъ, махнувъ палочкой направо, оттуда взвизгнули флейты и фаготы; въ то же время послѣдовала новая, безпощадная уже бомбардировка эстрады цѣлымъ градомъ картофеля, причемъ въ первыхъ рядахъ публики на кресло вскочилъ нѣкій господинъ и громко прокричалъ: «эта ораторія—глумленіе надъ музыкой, профанация, позоръ искусства!» Тутъ уже произошло окончательное, близкое къ переполоху, смятеніе въ публикѣ, которая быстро стала удаляться изъ залы.

— И конецъ?—спросилъ кто-то изъ слушателей, когда Сѣровъ на этомъ остановился, умолкъ и сѣлъ въ углу гостиной.

— Да, на этомъ конецъ концерта,—сказалъ онъ, привскочивъ съ мѣста.—Публика, не смотря на увѣренія Лазарева, что сейчасъ она услышитъ, какъ заплещутъ волны океана, заколышатся дѣвственныя дубравы, оглашенныя хвалебной одой пернатыхъ пѣснопѣвцевъ, быстро, другъ за другомъ покидала концертную залу. Но, по мѣрѣ того, какъ пустѣла эта зала, вокругъ господина, осмѣливагося прокричать, что ораторія Лазарева глумится надъ музыкой, все тѣснѣе и тѣснѣе группировалась толпа полицейскихъ фараоновъ. «Взять его!»—прогремѣлъ у него надъ самымъ ухомъ грозный голосъ... Ну, и взяли, и свезли раба божія въ полицейскій участокъ. На другой день доставляютъ этого скандалиста къ оберъ-полицеймейстеру И. В. Анненкову.

— Кто ты? — кричитъ Анненковъ, не давъ ему опомниться.

— Статскій совѣтникъ Сѣровъ,—отвѣчаетъ приведенный арестантъ.

Грозное лицо оберъ-полицеймейстера моментально расплывается въ растерянное недоумѣніе; онъ вопросительно смотритъ на частного пристава и квартальнаго надзирателя; тѣ, смущенные, молчать.

— Что же это?!...—говоритъ Анненковъ упавшимъ голосомъ:—вы кого это ко мнѣ привели?—накидывается онъ на пристава.

— Того самаго, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ приставъ, предварительно откашлявшись.

— Какъ—того самаго! Развѣ не слышите, что этотъ господинъ статскій совѣтникъ?

— Ваше превосходительство!—заявляетъ находчивый квартальный надзиратель:—показаніе этого господина, что онъ статскій совѣтникъ, требуетъ тщательной проверки.

Оберъ-полицеймейстеръ переводитъ свой взглядъ съ квартальнаго надзирателя на статскаго совѣтника.

— Что вы на это скажете?—обращается онъ къ послѣднему.

— Скажу то же, что и говорилъ уже; я несомнѣнный статскій совѣтникъ.

— Но какъ вы очутились подъ арестомъ?

— По приказанію вашего превосходительства.

— Этого быть не можетъ. Я приказалъ арестовать какого-то буяна, мальчишку, который позволилъ себѣ устроить дерзкій скандалъ во вчерашнемъ концертѣ.

— Это я самъ.

— Какъ!..—растерянно произнесъ Анненковъ:—и вы сознаетесь?

— И не помышлялъ отречься.

— Что же васъ къ этому побудило?

— Ваше превосходительство, вы понимаете музыку?

— Это что еще за вопросъ!

— Простите. Этотъ вопросъ, быть можетъ, и очень смѣлъ съ моей стороны, но онъ неизбеженъ для того, чтобы выяснить дѣло. Вѣдь вы же въ настоящую минуту судья мой, я вашъ подсудимый; это одно уже обяываетъ насъ другъ передъ другомъ къ самому распространенному объясненію. Я вотъ что хочу сказать: слушая музыку, понимаете ли вы ее въ такихъ подробностяхъ, какъ книжку, которую читаете? Я думаю, что нѣтъ, и въ этомъ убѣждаетъ меня теперешнее мое, нѣсколько исключительное для статскаго совѣтника, положеніе. Вѣдь если бы къ вамъ явился вотъ этотъ самый частный приставъ и началъ свою рѣчь такъ: имѣю честь рапортовать вашему превосходительству, что у алжирскаго бея на носу выскочила шишка, и это феноменальное событіе случилось какъ разъ въ ту секунду, когда солнце, вынырнувъ изъ-за звѣздъ, огорошило луну полнолѣсной затрещиной... Вѣдь вы, ваше превосходительство, соизволили бы немедленно приказать свести его, раба божія, господина частнаго пристава, въ нѣкую желтую юдоль съ холодными ваннами.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А то хочу я сказать, что я страстный музыкантъ, что музыка—вторая религія моя, что, слушая музыку, я такъ же понимаю каждое движеніе, каждый звукъ ея, какъ вы понимаете книжку, которую читаете. Затѣмъ я хочу сказать, что одно начало вчерашней ораторіи Лазарева сразу открыло мнѣ, что предъ публикой появился сумасшедшій, которому, вмѣсто того, чтобы давать концерты, слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, на цѣпи сидѣть въ той же самой желтой юдоли.

— Если бы это было даже и такъ,—сказалъ И. В. Анненковъ:—то какое вы имѣли право устраивать вашу демонстрацію въ формѣ публичнаго скандала?

— Погорячился и потому наказанъ не совсѣмъ удобнымъ ночлегомъ, но я объ этомъ ни мало не жалѣю; цѣль моя достигнута, и Лазаревъ не дастъ другаго концерта, не устроитъ вторичнаго глумленія надъ музыкой и посмѣянія надъ публикой. Между тѣмъ, если бы я не устроилъ вчерашняго скандала, концертъ доведенъ былъ бы до конца, публикѣ и въ голову не пришло бы, что всѣ эти скрипки, флейты, кларнеты, гобои и волторны изображаютъ шишку на носу алжирскаго бея, а—чего добраго—нашлись бы музыкальные критики, которые, ничто же сумняшеся, поставили бы безумную бредню сумасшедшаго Лазарева въ разрядъ гениальныхъ произведеній музыки. На этомъ,—заклучилъ Сѣровъ,—и окончилось мое объясненіе съ оберъ-полицеймейстеромъ; онъ освободилъ меня изъ-подъ ареста, объявивъ, что я могу оставаться на свободѣ впредь до собранія о мнѣ справокъ по мѣсту службы моей.

Окончивъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ и вдоволь насмѣшивъ публику, среди которой то и дѣло раздавался звонкій смѣхъ

хозяйки, А. Н. Сѣровъ усаживался гдѣ нибудь въ углу и дѣлался молчаливымъ, сосредоточеннымъ слушателемъ музыки или пѣнія, которыя входили въ программу субботника Д. М. Леоновой. Когда же по этой программѣ очередь доходила до него, онъ садился за рояль, и при первыхъ же аккордахъ лицо его принимало вдохновенное выраженіе. Въ то время онъ заканчивалъ первую свою оперу «Юдиѣ» и знакомилъ гостей Даріи Михайловны съ нѣкоторыми отдѣльными частями этой оперы. Нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстъ Сѣровъ предпосылалъ краткое поясненіе. «Бунтъ въ воинскомъ лагерѣ!»—восклицалъ онъ, наклоняясь всей фигурой надъ клавишами, и лицо его принимало какое-то изступленное выраженіе. «Юдиѣ надѣваетъ виссонъ и рѣшается идти къ Олоферну на свой великій подвигъ»,—тихо произноситъ Сѣровъ, откинувшись назадъ, и нѣжные звуки рояли дѣлаютъ лицо композитора необыкновенно мягкимъ, въ глазахъ его сверкають слезы.

— Эта опера, — говорилъ Сѣровъ, — будетъ имѣть для меня рѣшающее значеніе; отъ успѣха ея, отъ того, какъ она будетъ принята публикой, зависитъ все: или я вступлю смѣлымъ шагомъ въ сонмъ русскихъ композиторовъ, или же снова возьмусь за музыкальную критику и буду смущать нѣкія предрержація власти своими діапазонами, да бомбардировать картофелемъ всякія музыкальныя бездарности.

Наконецъ, сначала газетныя объявленія, а затѣмъ и афиши оповѣстили петербургскую публику о томъ, что въ Маріинскомъ театрѣ представлена будетъ въ 1-й разъ опера «Юдиѣ» А. Н. Сѣрова; оркестромъ будетъ дирижировать самъ композиторъ. Я былъ на этомъ первомъ представленіи и былъ очевидцемъ громаднаго успѣха «Юдиѣ», рѣшившаго дальнѣйшую музыкальную карьеру автора «Рогнѣды» и «Вражьей силы». Этотъ успѣхъ перваго представленія «Юдиѣ» имѣлъ еще и то значеніе, что А. Н. Сѣровъ быстро измѣнился: изъ словоохотливаго до болтливости остроумнаго говоруна онъ сразу сдѣлался солиднымъ, сосредоточеннымъ и, продолжая посѣщать субботники Д. М. Леоновой, не смѣшилъ уже публику своимъ интереснымъ красноречивымъ. Когда ему замѣчали о такой съ нимъ перемѣнѣ и спрашивали о причинѣ ея, онъ отвѣчалъ, что всецѣло находится въ неотразимой власти одной обаятельной особы, которая забрала его въ свои цѣпкія ручонки и строго приказываетъ ему поменьше болтать и побольше о ней думать. На дальнѣйшіе разспросы, особенно дамъ, интересовавшихся знать, кто эта деспотическая владычица Александра Николаевича, онъ отвѣчалъ, что не можетъ удовлетворить ихъ любопытству, можетъ одно лишь, и то подъ большимъ секретомъ, сказать, что имя этой очаровательницы Рогнѣда.

Въ то время, знаменитый теперь, А. Г. Рубинштейнъ былъ пока еще, такъ сказать, на половинной высотѣ той музыкальной виртуозности, какой онъ достигъ впослѣдствіи, а потому въ концертахъ съ большимъ успѣхомъ игралъ придворный піанистъ Антонъ Григорьевичъ Контскій. Постоянный посѣтитель субботниковъ Д. М. Леоновой, Контскій каждый разъ приготовлялъ какой нибудь маленькій музыкальный сюрпризъ милой хозяйкѣ и ея гостямъ. Такъ, однажды, спросивъ полотенце и покрывъ имъ фортепіанную клавиатуру, онъ, къ немалому удивленію присутствующихъ, сыгралъ какой-то блестящій вальсъ, но такъ, какъ бы клавиатура была совершенно открыта, причемъ forte гремѣло у него такъ, какъ бы онъ сразу игралъ двумя лѣвыми руками, а *pianissimo* доходило до неподражаемаго совершенства замирающихъ гдѣ-то вдали мелодическихъ звуковъ. Другой разъ, Контскій сыгралъ Славься изъ «Жизни за царя», причемъ въ концѣ финала знаменитой оперы онъ извлекъ изъ фортепіано такую массу звона церковныхъ колоколовъ и большихъ, и среднихъ, и самыхъ маленькихъ, и такъ у него все это сочеталось съ основной темой музыки, что часть публики, находившаяся въ другой комнатѣ, бросилась сюда въ предположеніи, что піанистъ, кромѣ фортепіано, орудуетъ еще другими инструментами. Контскій былъ большой и идеальнѣйшій поклонникъ прекраснаго пола; безъ благоговѣйнаго поклоненія какому бы то ни было идолу, въ лицѣ своихъ знакомыхъ, Контскій жить не могъ; въ этомъ случаѣ онъ былъ, однако, политеистомъ, потому что божества его постоянно смѣнялись. Контскій вообще былъ даровитый виртуозъ и не безъ творческаго огонька, который въ немъ иногда ярко вспыхивалъ; къ серьезной, устойчивой музыкальной мысли онъ не былъ способенъ по свойству своего сангвиническаго темперамента; онъ за многое съ жаромъ принимался, искренно увлекался настроеніемъ минуты, причемъ обнаруживалъ несомнѣнный композиторскій талантъ, но такая минута не сливалась у него съ часами, днями глубоко обдуманной, систематической работы. Контскій давно носился съ мыслью написать большую оперу на сюжетъ изъ русской исторіи; сблизившись со мной на тѣхъ же субботникахъ Д. М. Леоновой, онъ нерѣдко, возвращаясь со мной, по дорогѣ, уговаривалъ заѣхать къ нему переночевать. Жилъ онъ тогда въ домѣ Руадзе, нынѣ Кононова, съ Кирпичнаго переулка. Однажды, мы засидѣлись съ нимъ за стаканомъ венгерскаго долѣе обыкновеннаго; я дѣлился съ нимъ своими познаніями изъ русской исторіи конца семнадцатаго вѣка; Контскаго сильно интересовала личность царевны Софіи, и онъ помышлялъ написать оперу подъ этимъ названіемъ; сначала онъ съ большимъ интересомъ слушалъ, поминутно закидывая меня вопросами о личности и характерѣ царевны и Василя Голицына. Замѣтивъ затѣмъ по сосредоточенному и устремленному куда-то вдалѣ его взгляду,

что царевна Софья въ данную минуту меньше всего занимает моего слушателя, я замолчалъ.

— Вѣдь это одна изъ обаятельнѣйшихъ женщинъ! — воскликнулъ Контскій.

— Въ чемъ же вы находите особенно ея обаяніе?

— Во всемъ... и прежде всего въ этомъ, вѣчно стыдливомъ ея взглядѣ... Боже, какъ она умѣетъ подчасъ взглянуть!... Я думаю, думаю, и понять не могу, какъ она могла выдти за этого человѣка, полюбить его... да и любить ли?...

— Да вы о комъ, Антонъ Григорьевичъ?

— Ну, конечно, о м-ше...—и онъ назвалъ жену одного артиста, которая была въ тотъ вечеръ вмѣстѣ съ нами у Леоновой.

— Знаете ли,—сказалъ онъ однажды, заѣхавъ ко мнѣ,—чѣмъ больше вдумываюсь я въ сюжетъ нашей оперы ¹⁾, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что музыка должна быть глубоко драматичная. И вотъ я хочу сначала испробовать себя въ этомъ родѣ на какомъ нибудь небольшомъ образчикѣ; дайте мнѣ сюжетъ; дайте мнѣ что нибудь такое, гдѣ бы клокотало горе, отчаянье, борьба и все это кончилось бы неотразимой смертью; это должно быть что нибудь сильное, но въ то же время маленькое по объему, на два не болѣе нотные листа; вы увидите, что я изъ этого сдѣлаю, и какъ бы вы обязали меня, исполнивъ мою просьбу поскорѣе; я эти дни какъ разъ настроенъ для такой работы.

Я обѣщалъ, если удастся, на другой же день исполнить желаніе Контскаго и зайти къ нему послѣ одиннадцати часовъ вечера прямо изъ театра. Контскій ждалъ меня; онъ быстро шагаль по своей большой залѣ, гдѣ стояло два рояля.

— А я подумывалъ уже, что вы не исполните вашего милаго обѣщанія,—встрѣтилъ онъ меня, и мы отправились въ столовую пить чай.

Завязался разговоръ; я рассказалъ ему объ оперѣ, которую прослушалъ, объ исполненіи, о встрѣчѣ съ знакомыми.

— А Н. была въ театрѣ? — живо воскликнулъ Контскій.

— Была; я заходилъ къ ней въ ложу, и мы весь первый антрактъ проговорили съ ней о васъ.

— Вѣдь вотъ!—привскочилъ Контскій,—не даромъ предчувствіе сегодня влекло меня въ театръ; но что прикажете дѣлать! вѣдь я только около десяти часовъ отдѣлался отъ уроковъ ²⁾. Знаете ли,—заговорилъ Контскій, быстро зашагавъ вокругъ стола,—эта женщина почему-то напоминаетъ мнѣ таинственную богиню древнихъ

¹⁾ Я обѣщалъ Контскому быть его либреттистомъ.

²⁾ А. Г. Контскій давалъ тогда уроки музыки во многихъ аристократическихъ домахъ, начиная съ великокняжескихъ дворцовъ, и эти занятія были главнымъ подспорьемъ болѣе чѣмъ безбѣдному его существованію.

кареагенянь Такисту; помимо очаровательнаго лица ея, въ ней есть что-то безтѣлесно прекрасное; поклоненіе ей можно возвести въ высочайшій религіозный культъ; она мнѣ представляется идеаломъ цѣломудреннѣйшей стыдливости; она духовно слишкомъ хрупка для какого бы то ни было грубаго къ ней прикосновенія.

Я взглянулъ на часы; была уже половина второго, а мой хозяинъ не умолкалъ въ превознесеніи своей Такисты превыше облака ходячаго.

— Вы, Антонъ Григорьевичъ, такъ мило и торжественно теперь настроены,—сказалъ я, собираясь уходить:—что я не хочу портить этого настроенія сообщеніемъ вамъ той драматической темы, о которой вы меня просили.

Контскій бросился обнимать меня и увѣрять, что, напротивъ, онъ теперь какъ разъ настроенъ для драматическаго вдохновенія. Я сдался на его просьбу и прочелъ ему написанное утромъ того дня мое стихотвореніе «У колыбельки», предпославъ этому чтенію слѣдующее объясненіе. Въ колыбельныхъ пѣсняхъ матери большею частью погружаются въ думу о будущности своего ребенка, и очень понятно, что любовь къ своему дитяти подсказываетъ имъ эту будущность въ розовомъ свѣтѣ; тутъ убаюкиваемое дитя представляется будущимъ героемъ, великимъ гражданиномъ, ученымъ, поэтомъ, опорой материнской старости; въ моей же колыбельной пѣснѣ ничего этого нѣтъ; тутъ горе, холодъ, голодъ и борьба со смертью шевелятъ устами матери, убаюкивающей своего сына.

— Ради Бога, читайте скорѣе свое стихотвореніе!—вскричалъ Контскій, схвативъ мои руки. Я прочелъ ему слѣдующее:

У колыбели.

«Не спать мой сынъ... Святая Дѣва!
«Явись къ намъ, бѣднымъ, пѣсню спой;
«Подъ звуки райскаго напѣва
«Авось заснетъ малютка мой.
«А я межъ тѣмъ свой лютый голодъ
«Хоть черствой коркой утолю;
«Согрѣться нужно... Экой холодъ!..
«Спи, сынъ мой, баюшки-баю...

«Ты спой ему про мѣсяцъ, звѣзды,
«Про сонмы ангеловъ святыхъ,
«Про птишекъ, какъ свиваютъ гнѣзды,
«Какъ кормятъ птенчиковъ своихъ;
«А я межъ тѣмъ хоть на минутку
«Забудусь, силы подкрѣплю..
«Ты-жъ убаюкай мнѣ малютку..
«Спи, сынъ мой.. баюшки-баю...

«Уснулъ!.. Кажись, онъ легче дышитъ...
 «Святая Дѣва! пой теперь,
 «Пой громче,—пусть онъ не услышитъ,
 «Какъ отъ мороза скрипнетъ дверь...
 «Въ хлѣву сосѣдская коровка:
 «Авось удастся—подою...
 «Нѣтъ, страшно!.. крикомъ: мать воровка!
 «Разбудятъ... баюшки-баю...

«Побереги-жъ его съ любовью,
 «А я разсвѣта не проспю;
 «Не молокомъ, такъ самой кровью
 «Раненько сына накормлю.
 «Онъ будетъ сытъ, его согрѣю,
 «Чѣмъ Богъ пошлетъ намъ—истоплю...
 «Святая Дѣва... Я слабѣю...
 «Спаси насъ... сынъ мой... коченѣю..
 «Годубчикъ... баю»...

Чтеніе мое произвело глубокое впечатлѣніе на Контскаго. Не сказавъ ни слова, онъ бросился сначала въ спальню, гдѣ провелъ минуты двѣ; затѣмъ пробѣжалъ въ залу, взявъ нѣсколько бурныхъ аккордовъ и предсталъ предо мной, блѣдный, со слезами на глазахъ.

— Я ни за что не отпущу васъ,—сказалъ онъ, взявъ меня за руку, — умоляю васъ, останьтесь у меня переночевать; вы мнѣ нужны теперь, какъ живой источникъ вдохновенія; я подавленъ, потрясенъ...

Я сдался на просьбу Контскаго и остался ночевать у него. Черезъ часъ мы были въ постеляхъ; Контскій на своей кровати, я у противоположной стѣнки на диванѣ; не долго еще разговаривали мы, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ сосѣдъ мой значительно уже похрапывалъ; мнѣ спать еще не хотѣлось и, погасивъ свѣчу, я смотрѣлъ на мягкій свѣтъ лампадки, теплившейся предъ образомъ у изголовья хозяина; прошло съ полчаса времени, меня начала уже одолевать дремота, — вдругъ Контскій пробуждается, привскакиваетъ съ постели и, взглянувъ въ мою сторону, всталъ, опустился на колѣни и началъ горячо молиться передъ образомъ. *Matka boska!* — произносилъ онъ шепотомъ, ударяя себя въ грудь; затѣмъ, надѣвъ туфли, онъ въ одномъ бѣлѣ тихонько пробрался въ залу, плотно затворивъ за собою дверь изъ спальни и столовой, и сталъ играть сначала тихо, потомъ все громче и громче; подъ конецъ музыка его покатила широкой волной какого-то страстнаго мотива. Я заснулъ и не слышалъ, когда окончился этотъ странный и неожиданный сеансъ вдохновенія. На другой день, за кофе, Контскій сталъ извиняться за беспокойство, причиненное его музыкой.

— Вѣдь вы слышали?—спросилъ онъ меня.

— Какъ же, и слышалъ, и видѣлъ,—отвѣчалъ я.

— Что же вы видѣли?

— Видѣлъ, какъ вы, проснувшись, сначала молились, а потомъ пошли туда, въ залу, и играли что-то очень бурное.

Контскій нѣсколько сконфузился, а я пожалѣлъ о своей откровенности.

— Это всегда со мной такъ бываетъ,—сказалъ онъ,—вдохновеніе большей частью захватываетъ меня во снѣ; я пробуждаюсь отъ усиленной работы не то мозга, не то фантазіи, которая охватила меня, и первымъ дѣломъ ощущаю сильную потребность въ молитвѣ, а затѣмъ неодолимая сила влечетъ меня къ роялю... Знаете, я ночью кое-что записалъ изъ всего этого... а теперь нужно на свѣжую память провѣрить себя; пойдете, и вы мнѣ скажете ваше мнѣніе.

Мы отправились въ залу, и Контскій, пробѣжавъ какія-то ремарки, набросанныя карандашемъ на листѣ нотной бумаги, сѣлъ за рояль и сыгралъ новорожденную свою мазурку на слова: «Чародѣйка моя, ты не любишь меня».

— Эту мазурку,—сказалъ онъ, вставъ съ табурета,—я посвящу Дарѣ Михайловнѣ; воображаю, какой фуроръ произведетъ она.

Контскій не ошибся; Леонова дѣйствительно производила громадный фуроръ исполненіемъ Чародѣйки.

Когда Д. М. Леонова первый разъ спѣла у себя Чародѣйку, причемъ композиторъ восторженно игралъ свою мазурку, всѣ пришли въ восхищеніе. Въ числѣ гостей Д. М. находился молодой, начинавшій тогда композиторъ П. С. Макаровъ ¹⁾. Мы сидѣли рядомъ съ Макаровымъ, и когда кончились общія оваціи и композитору, и исполнительницѣ, я рассказалъ своему сосѣду про условія, при которыхъ была написана Чародѣйка на моихъ главахъ, причемъ шутя я рассказалъ и то, какъ я былъ озадаченъ, услыхавъ эту мазурку вмѣсто ожидаемой мной драматической музыки на слова колыбельной моей пѣсни. Макаровъ тутъ же попросилъ у меня позволенія списать слова этой пѣсни, на что я согласился. Черезъ нѣсколько дней Макаровъ заѣзжаетъ ко мнѣ и объявляетъ, что онъ сочинилъ драматическую фантазію на мои слова, съ посвященіемъ Д. М. Леоновой, и проситъ моего разрѣшенія отдать свое произведеніе въ печать Лейброкъ. Я сказалъ, что ничего противъ этого не имѣю, но что во всякомъ случаѣ нужно предупредить объ этомъ Контскаго; по просьбѣ Макарова, я взялъ на себя эту миссію; захожу къ Контскому и говорю ему, въ чемъ дѣло. Выслушавъ меня, Контскій разсмѣялся.

— Удивительно самонадѣянна теперь эта молодежь!—сказалъ

---

¹⁾ Впослѣдствіи издатель журнала Музыкальный Свѣтъ и редакторъ Биржевыхъ Вѣдомостей. Умеръ 24-го мая 1892 г.

онъ.—Ну, куда же ему, молокососу, справиться съ такой задачей? Я чѣмъ болѣе вдумываюсь въ слова «У колыбели», тѣмъ больше сознаю всю глубокую драматичность, весь трагизмъ этихъ словъ и жду особеннаго, исключительнаго настроенія, чтобы взяться за такую музыку. Пусть печатаетъ; увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Вѣдь это право принадлежитъ вамъ, а не мнѣ.

Вскорѣ послѣ этого Д. М. Леонова спѣла въ своемъ концертѣ музыкальную фантазію Макарова «У колыбели»; успѣхъ былъ громадный. Контскій былъ въ этомъ концертѣ и, разставаясь со мной, сказалъ нѣсколько холодно:

— Я не ожидалъ, что стихотвореніе, которое вы написали собственнo для меня, вы будете отдавать всякому молокососу.

Это маленькое событіе не имѣло, однако, значенія въ дальнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ съ Контскимъ, съ которымъ мы оставались пріятелями до самаго выѣзда моего изъ Петербурга. Заканчивая мои воспоминанія объ А. Г. Контскомъ, не могу не сказать, что онъ имѣлъ прекрасное сердце и рыцарскій характеръ.

Безъ сомнѣнія, самыми интересными моментами субботниковъ Д. М. Леоновой были тѣ, когда сама хозяйка вмѣстѣ съ Ѳ. К. Никольскимъ подходили къ рояли. Тутъ всѣ присутствовавшіе притаивали, какъ говорится, дыханіе. Никольскій былъ тогда въ алогее своего дивнаго, могучаго голоса, и спорить съ нимъ въ дуэтѣ, какъ по регистру, такъ и по діапазону голоса, могла лишь одна Леонова; въ дуэтахъ оба эти артиста какъ будто подспаривали, подбодряли другъ друга, и когда дѣло доходило у нихъ до высокаго fortissimo, они оба въ равной, неоспоримой степени оказывались на высотѣ и своихъ могучихъ голосовъ, и своей виртуозности.

Федоръ Калинычъ Никольскій поздно выступилъ на артистическую арену; ему было уже лѣтъ за сорокъ, когда онъ продолжалъ еще пѣть солистомъ въ придворной пѣвческой капеллѣ. Исторію его артистической карьеры рассказывали такъ: не помню, въ придворной ли церкви, или въ зданіи пѣвческой капеллы, Никольскій пѣлъ по обыкновенію теноровую партію solo и привелъ въ восторгъ слушающихъ; тутъ была великая княгиня Елена Павловна. Въ то время были въ большой славѣ ея концертные вечера, на которые приглашался весь артистическій цвѣтъ Петербурга, и гдѣ пальма первенства всегда оставалась за неподражаемымъ Тамберликомъ. И вотъ, когда этотъ волшебный пѣвецъ приводилъ въ восторгъ весь великосвѣтскій салонъ великой княгини, августѣйшая хозяйка задумывалась и дѣлилась съ нѣкоторыми изъ гостей своихъ думой о томъ, почему наша богатая дивными голосами Россія не можетъ представить обществу своего, роднаго

Тамберлика. Такая мысль оѣнила Елену Павловну въ то время, когда она слушала исполненіе Никольскимъ духовнаго концерта. Она пригласила дирижера придворной пѣвческой капеллы разучить съ Никольскимъ нѣсколько русскихъ романсовъ и особенно романсъ «Скажите ей», который въ то время былъ въ большой модѣ, и въ которомъ былъ такъ неподражаемъ Тамберликъ. На слѣдующій затѣмъ концертный вечеръ великая княгиня пригласила покойнаго государя, и здѣсь впервые передъ избранной публикой и въ присутствіи того же Тамберлика Никольскій спѣлъ «Скажите ей». Успѣхъ Никольскаго былъ громаднѣйшій и превзошелъ даже ожиданія самой хозяйки. Тутъ же рѣшена была и участь перваго тенора духовной пѣвческой капеллы. По настоянію великой княгини, государь приказалъ Никольскому готовиться для поступленія на сцену русской оперы. Никольскимъ немедленно занялось театральное начальство, и при дружномъ содѣйствіи будущихъ его товарищей по сценѣ онъ явился въ партіи Сабинина и сразу взялъ себѣ постъ соперника Тамберлику; въ подготовкѣ на сцену Никольскаго самое дѣятельное участіе принимала Леонова, и вотъ почему въ то время, о которомъ я пишу, Никольскій, не смотря на преслѣдованія Леоновой со стороны начальника репертуара императорскихъ театровъ, не переставалъ посѣщать опальную артистку, которой онъ признавалъ себя много обязаннымъ. Не долговѣчна, но громка была слава Никольскаго. Плохой актеръ, не могшій никакъ совладать съ умѣніемъ доржать себя на сценѣ, Никольскій заставлялъ забывать всѣ эти недостатки, ради феноменальнаго своего голоса; но зато тамъ, гдѣ не требовалось игры, и именно въ концертахъ, онъ былъ волшебенъ. Одно имя его на афишахъ дѣлало полнѣйшіе сборы въ концертахъ съ возвышенными цѣнами. Правда, что и русскій Орфей нашъ не стѣснялся въ предъявленіи своихъ условій: за участіе въ концертѣ онъ получалъ по триста и болѣе рублей, и едва ли онъ не первый далъ понять петербургскому обществу, что не одни лишь заѣзжіе артисты могутъ у насъ цѣнить свои таланты на вѣсъ золота. Зенитомъ артистическаго триумфа Никольскаго былъ слѣдующій случай: меломаны того времени помнятъ, какое потрясающее впечатлѣніе производилъ Тамберликъ своимъ *Ut diez* въ извѣстной партіи «Отелло». Говорили, что Тамберликъ единственный во всемъ мірѣ владѣлецъ этой сверхъестественной ноты, и что за право обладанія этой нотой онъ получаетъ изъ парижской консерваторіи премію въ сто тысячъ франковъ. До Тамберлика всѣ исполнители Отелловской партіи брали эту ноту *falcetto*, и лишь онъ одинъ могъ взять ее полной грудью. Друзья Никольскаго стали уговаривать его испытать свои силы въ этомъ *tour de force* вокальнаго искусства. И вотъ въ Маріинскомъ театрѣ былъ, не помню теперь, чей—кажется, самого Никольскаго—концертъ, составленный

изъ разныхъ оперныхъ арій и романсовъ; въ программѣ стояла и арія изъ Отелло. Такъ какъ Никольскій положительно не обѣщалъ еще состязаться на этотъ разъ съ Тамберликомъ и говорилъ своимъ пріятелямъ, что это будетъ зависѣть отъ настроенія, отъ момента, то объ этомъ и не было разглашаемо до самого концертнаго вечера, хотя по нѣкоторой настороженности публики, наполнившей театральную залу, и появленію въ ложахъ итальянскихъ артистовъ, можно было догадываться, что въ публикѣ что-то ожидается отъ нынѣшняго концерта. Можно судить, что произошло въ театрѣ и что послѣдовало вслѣдъ за тѣмъ, когда Никольскій, допѣвъ арію до знаменитаго *Ut diez'a*, вдругъ, безъ всякаго усилія, полной грудью хватилъ эту ноту. Въ театрѣ долго не умолкалъ стонъ и гулъ отъ апплодисментовъ, а итальянскіе артисты мигомъ скрылись изъ ложъ и очутились за кулисами, чтобы пріѣтствовать въ Никольскомъ достойнаго соперника Тамберлику. Повторяю, громка, но скоротечна была артистическая слава Ѳ. К. Никольскаго; онъ держался на высотѣ ея не болѣе трехъ лѣтъ; что съ нимъ стало и почему онъ очутился на наклонной плоскости, по которой сталъ быстро опускаться, я, покинувъ Петербургъ въ 1865 году и не заглядывая туда цѣлыхъ восемь лѣтъ, такъ ничего и не знаю. Когда въ 1873 году я посѣтилъ Маріинскій театръ, тамъ пѣлъ еще Никольскій, но онъ былъ уже неузнаваемъ.

Въ числѣ гостей Леоновой постоянно бывалъ и С. С. Гулакъ-Артемовскій. Когда-то въ молодости значительный басъ его былъ въ это время значительно уже ослабѣвшимъ и не отличавшимся чистотой звуковъ; но комическимъ талантомъ своимъ, особенно въ Москалѣ Чаривникѣ, г. Артемовскій производилъ фуроръ на сценѣ Маріинскаго театра; покойный государь Александръ Николаевичъ очень любилъ эту малороссійскую оперетту и всегда отъ души смѣялся, глядя на комическую фигуру Чупруна, въ которомъ былъ такъ неподражаемъ Гулакъ-Артемовскій. Въ то время Семенъ Степановичъ писалъ свою малороссійскую оперу «Запорожцы за Дунаемъ» и повѣрялъ себя на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ этой оперы у Д. М. Леоновой, для которой предназначалась имъ главная партія. Мы всѣ были очень заинтересованы скорѣйшимъ окончаніемъ труда Гулакъ-Артемовскаго, такъ какъ знали, что успѣхъ тутъ будетъ обусловленъ главнымъ образомъ игрою и сценическимъ интересомъ; лично я былъ тутъ заинтересованъ еще и потому, что, какъ знатокъ малороссійскаго языка, я принималъ маленькое участіе въ соотвѣтственномъ музыкальному ритму измѣненіи нѣкоторыхъ мѣстъ либретто, составленнаго Н. И. Костомаровымъ, котораго на ту спѣшную пору не было въ Петербургѣ. Но вотъ опера готова; композиторъ поставилъ ее въ свой бене-

фисъ; она имѣла успѣхъ, благодаря талантливому исполненію своей партіи Д. М. Леоновой и высокой комической игрѣ автора. Но музыкальная критика нашла музыку слишкомъ компилятивной, составленной изъ общеизвѣстныхъ мотивовъ малорусскихъ пѣсенъ. Продержавшись одинъ сезонъ, Запорожцы за Дунаемъ сошли со столичной сцены, хотя не безъ успѣха и теперь еще даются на провинціальныхъ сценахъ труппами малороссовъ.

Во едину отъ субботъ къ числу обычныхъ посѣтителей Д. М. Леоновой прибавилось еще двое: то былъ гвардейскій офицеръ Тваневъ съ молодой и симпатичной своей супругой. Эта барынька очень мило спѣла нѣсколько романсовъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась постоянной посѣтительницей Леоновскихъ вечеровъ; на слѣдующій сезонъ, благодаря руководительству Леоновой, Тванева уже съ успѣхомъ пѣла на сценѣ Маріинскаго театра подъ именемъ Платоновой и годъ изъ году все больше и больше завоевывала себѣ вниманіе и любовь петербургской публики.

Въ числѣ постоянныхъ гостей Леоновой вспоминается мнѣ и Вильбуа, талантливый авторъ многихъ романсовъ, между прочимъ, извѣстнаго дуэта Моряки, и композиторъ оперы «Наташа». Въ описываемое мною время Вильбуа трудился надъ пересозданіемъ своей «Наташи», которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была имъ поставлена на оперной сценѣ и потерпѣла неудачу. Теперь композиторъ особенно много работалъ надъ главною партіей мамушки, которая назначалась имъ для Леоновой и на которой сосредоточивался весь интересъ оперы. Вильбуа несомнѣнно былъ очень талантливъ, но пристрастіе къ вину много вредило этому таланту. Интересно было послушать его, подчасъ сильно охмелѣвшаго, когда онъ садился за рояль и хриплымъ, почти беззвучнымъ голосомъ пѣлъ «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» или что нибудь изъ другихъ излюбленныхъ своихъ произведеній; тутъ и исполнитель нерѣдко плакалъ и въ то же время извлекалъ неудержимыя слезы у своихъ слушателей, которые по пѣлымъ часамъ бывало не отпускаютъ безголосаго пѣвца отъ рояля, уговаривая его еще и еще продолжать неподражаемо мастерское пѣніе. Когда «Наташа» была вновь окончена, она пошла въ бенефисъ Леоновой и имѣла большой успѣхъ, благодаря главнымъ образомъ таланту бенефициантки. Помню, въ этотъ вечеръ особенный фуроръ произвела Леонова исполненіемъ пѣсни мамушки, въ которой та говоритъ о своей беззавѣтной любви къ Наташѣ; пѣсня эта заканчивалась такъ:

«Ужъ не я-ль для ней молодчика
«Жениха по сердцу выбрала,
«Выбирала, на подборъ брала,
«Словно сокола для горлинка».

По окончании оперы публика нѣсколько разъ вызывала Леонову вмѣстѣ съ кампозиторомъ; этотъ моментъ былъ великимъ торжествомъ для Вильбуа. Прямо изъ театра мы большей компаніей были приглашены Даріей Михайловной на чай; всѣ, вмѣстѣ съ хозяйкой, были уже въ полномъ сборѣ, когда явился и Вильбуа и, подбѣжавъ къ хозяйкѣ, упалъ ей въ ноги. — «Спасибо, голубушка, родная, выручила, вынесла,» — произнесъ онъ, глубоко взволнованный, и разрыдался.

Въ слѣдующій зимній сезонъ у Леоновой впервые появился Монаховъ, пріѣхавшій изъ Кіева и искавшій сближенія съ артистическимъ міромъ, куда влекло его гораздо больше, чѣмъ къ міру служебному, для котораго онъ промѣнялъ свой родной городъ на столицу. Я зналъ И. И. Монахова по Кіевскому университету; онъ шелъ двумя курсами ниже меня по историко-филологическому факультету. На первыхъ же порахъ юный студентъ обратилъ на себя общее вниманіе своимъ замѣчательнымъ подражательнымъ талантомъ. Онъ такъ артистически копировалъ каждого префессора, что, ввообразившись на каеедру и пригласивъ студентовъ закрыть глаза, онъ производилъ волшебное впечатлѣніе; въ теченіе какихъ нибудь десяти минутъ студенты слышали, съ малѣйшими оттѣнками голоса, всѣхъ своихъ профессоровъ, говорившихъ каждый о своемъ предметѣ съ свойственной ему интонаціей и манерой профессорскихъ пріемовъ. Особенно былъ неподражаемо хорошъ Монаховъ въ интонаціи профессора русской словесности А. И. Селина; тутъ сходство въ голосѣ, въ манерѣ и особенно въ нѣсколько своеобразныхъ пріемахъ ораторскаго таланта доходило до полнѣйшей иллюзіи. Будучи страстнымъ театраломъ, Монаховъ постоянно посѣщалъ кіевскій городской театръ и послѣ каждого спектакля онъ въ совершенствѣ копировалъ актеровъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя произвели на него особенное впечатлѣніе. Когда Кіевъ посѣтилъ извѣстный трагикъ Ольдриджъ и привелъ въ восторженный трепетъ всю университетскую молодежь своимъ геніальнымъ исполненіемъ Шекспировскаго репертуара, мы на другой день послѣ каждого спектакля слышали Монахова въ выдающихся монологахъ то Отелло, то Шейлока, то Лира, и все это передавалось имъ съ такой точностью, что, закрывъ глаза, можно было подумать, что передъ вами не маленький бѣлобрысый студентикъ, а самъ величественный мавръ Ольдриджъ. Когда покойный теперь профессоръ Селинъ узналъ о такомъ талантѣ Монахова, онъ пожелалъ лично въ томъ убѣдиться и попросилъ юнаго студента скопировать ему кого нибудь изъ знакомыхъ. Монаховъ, не задумавшись, принялъ серьезный видъ, сѣлъ въ кресло, склонилъ на бокъ голову, поправилъ сперва манжеты, потомъ воротничекъ и произнесъ: «Милостивыя государыни и милостивые государи!». Присутствовавшіе при этомъ студенты тотъ-

часть чуть не прыснули отъ смѣху, а профессоръ смотрѣлъ на всѣхъ недоумѣло, все еще не догадываясь, въ чемъ дѣло; но когда Монаховъ, откинувъ назадъ голову и проведши по ней лѣвой рукой, сказалъ: «въ прошлой лекціи, говоря о вліяніи французскихъ энциклопедистовъ на русскую образованность», Селинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе. Услыхавъ потомъ, какъ Монаховъ копируетъ Ольдриджа, Селинъ сказалъ о его талантѣ слѣдующее: «Не знаю, есть ли у Монахова самобытный актерскій талантъ и какъ великъ онъ, но несомнѣнно, что подражательныя способности у него необыкновенны; ему нужны хорошіе сценическіе образцы, и чѣмъ они будутъ выше, типичнѣе, тѣмъ лучше Монаховъ съ ними справится».

А сценическими образцами для Монахова были въ то время два излюбленные имъ кіевскіе актера: Никитинъ и комикъ Ивановъ. Никитинъ, помимо большаго актерскаго таланта, былъ, какъ извѣстно, образцовый и, кажется, непревзойденный чтець. Едва ли не онъ былъ родоначальникомъ этого новаго у насъ типа искусства, которое онъ самъ же приладилъ къ такъ называемымъ куплетамъ. По крайней мѣрѣ въ Петербургѣ никто еще и не слышалъ другихъ куплетовъ, кромѣ тѣхъ, которыми изобиловали старинныя водевили; тогда какъ въ Кіевѣ Никитинъ производилъ уже фуроръ и образцовымъ чтеніемъ и образцовой передачей подъ акомпанементъ музыки «Какъ яблочко румянъ» и другихъ куплетовъ.

Я не скажу, чтобы Монаховъ былъ искуснѣе Никитина въ передачѣ этого Беранжевскаго стихотворенія, такъ удачно переведеннаго, или лучше сказать, передѣланнаго В. С. Курочкинымъ; здѣсь онъ не отставалъ отъ Никитина по стольку, по скольку съ неподражаемой точностью копировалъ послѣдняго; но въ словахъ «ей, ей, умру отъ смѣха» Монаховъ далеко превзошелъ Никитина, здѣсь его, повидимому, искренній, неудержимый смѣхъ доходилъ до полной виртуозности, и когда послѣ каждаго такого куплета слушатель долго еще продолжалъ надрываться отъ смѣха, Монаховъ моментально изъ раскиснувшаго, казалось, въ смѣхѣ принималъ свое обычное, серьезное выраженіе лица и этимъ еще болѣе усиливалъ впечатлѣнія комизма.

Вотъ съ какими данными и задатками прибылъ Монаховъ въ Петербургъ и немедленно попалъ въ салонъ Д. М. Леоновой. Помню, было много гостей у Даріи Михайловны; вечеръ былъ оживленъ и очень разнообразенъ по своей музыкальной и вокальной программѣ. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ университетскимъ товарищемъ, который скромно сидѣлъ въ уголку, прислушиваясь и присматриваясь къ обществу. — Что вы будете дѣлать въ Петербургѣ? — спросилъ я его. — «Поступлю на службу въ сенатъ», — отвѣчалъ онъ. — А театръ, сцена, о которыхъ вы мечтали въ университетѣ? — «Это,

какъ случится, а пока далъ слово отцу, что буду служить». Я сказалъ хозяйкѣ, что не мѣшало бы уговорить юнаго провинціала спѣть Какъ яблочко румяно. Монаховъ сначала не соглашался, стѣснялся предъ новой, а главное артистической публикой, наконецъ, долженъ былъ уступить усиленной просьбѣ хозяйки и сѣлъ за рояль. Это былъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ на вечерахъ Леоновой; до сихъ поръ гости Даріи Михайловны испытывали чувства наслажденія и восторга отъ чудной музыки и дивнаго пѣнія; все это сопровождалось серьезнымъ, сознательнымъ отношеніемъ къ искусству и его высокимъ представителямъ; послѣ артистической игры Контскаго или Сѣрова, послѣ пѣнія Никольскаго и самой хозяйки всѣ слушатели, какъ очарованные, долго не могли и не хотѣли отдѣлаться отъ того впечатлѣнія мягкой сосредоточенности и тихой думы, какую навѣвала на нихъ чудная музыка и пѣніе. Здѣсь же случилось нѣчто новое, особенное. Когда Монаховъ при словахъ: «ей, ей, умру отъ смѣха», откинулся назадъ и сталъ кичуть въ какомъ-то нервно-болѣзненномъ смѣхѣ отпѣтаго, не то чтобы очень пьянаго, но веселаго безконечно шлопая, зала потрясена была отъ гомерическаго смѣха. Уже Монаховъ, какъ ни въ чемъ не бывало, давно сидѣлъ въ углу съ серьезной фізіономіей, а смѣхъ, неудержимый, здоровый, новый смѣхъ все еще одолѣвалъ съ удивленіемъ глядѣвшую на новый, своеобразный талантъ публику. Этотъ вечеръ рѣшилъ дальнѣйшую артистическую карьеру Монахова. Профессоръ Селинъ былъ правъ, сказавъ, что Монахову нужны хорошіе образцы; онъ встрѣтилъ ихъ и въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ, чрезъ которую проѣзжалъ до столицы и гдѣ успѣлъ завернуть въ Малый театръ, а тамъ еще жили и подвизались на сценѣ Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Живокини.

Заканчивая воспоминанія о знакомствѣ съ Д. М. Леоновой и незабвенныхъ ея субботникахъ, плюю издалека привѣтъ и сердечную благодарность почтенной артисткѣ за минуты, часы высокаго наслажденія, которые она давала своимъ гостямъ и талантомъ своимъ, и подборомъ общества, и своимъ широкимъ, истинно русскимъ гостепріимствомъ.

Въ началѣ главы я сказалъ, что статья моя о Леоновой въ «Русскомъ Мірѣ» стоила мнѣ немалыхъ хлопотъ. Дѣйствительно, мнѣ грозили и изъ министерства двора, и изъ третьяго отдѣленія, стараясь вывѣдать отъ меня источникъ сообщенныхъ мною свѣдѣній о закулисномъ положеніи артистки, и всѣмъ этимъ орудовалъ, какъ я потомъ узналъ, П. С. Ѳедоровъ, — да простятся ему вся вольная и невольная!

В. Сикевичъ.

БЫЛЫЯ ВСТРѢЧИ ¹⁾.

IV.

Необдуманная затѣя.

ВЪ НИКОЛИНЪ ДЕНЬ, 6-го декабря 1864 года, меня разбудилъ звонокъ въ передней. Взглянувъ на часы, я былъ удивленъ раннему посѣтителю: не было десяти часовъ. Знакомые такъ рано не навѣщаютъ меня; день не редакціонный, къ тому же праздникъ; самъ я, по милости незабвеннаго цензора Касторскаго, работалъ до пяти утра, рассчитывая поспать, по крайней мѣрѣ, до одиннадцати... Звонокъ повторился. Я слышалъ, какъ человѣкъ мой кого-то урезониваетъ; ему отвѣчаютъ разомъ нѣсколько голосовъ. Кто бы это могъ быть?

— Въ чемъ дѣло?—окликнулъ я, убѣдившись, что посѣтители ушли, и человѣкъ принялся за уборку пріемной.

— Да вотъ,—отвѣчалъ онъ,—какіе-то господа другой уже разъ приходятъ; важное, говорятъ, дѣло имѣютъ къ вамъ; общали придти черезъ полчаса.

— Кто же они такіе?

— Не знаю, ихъ шестеро; должно быть, важные господа.

— Почему же ты думаешь, что это важные господа?

— Да такъ, по всему видно; и шубы у нихъ такія, богатые, и потомъ... трешнику мнѣ пожаловали, лишь бы доложить вамъ, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LII, стр. 90.

у нихъ спѣшное дѣло... Вставайте, баринъ; уже и самоварчикъ готовъ.

Ровно черезъ полчаса раздался опять звонокъ; человекъ доложилъ мнѣ, что пришли тѣ самые важные господа и ждутъ въ приемной.

Въ газетѣ «Петербургскій Листокъ», которую я редактировалъ, часто помѣщались свѣдѣнія, съ которыми или по поводу которыхъ ко мнѣ являлись разныя лица, заинтересованныя тѣми свѣдѣніями, съ предложеніемъ поправокъ и дополненій къ сообщенному газетою, а то и просто съ заявленіемъ, иногда коллективнымъ, о какомъ нибудь выдающемся фактѣ изъ общественной фیزیологіи. Направляясь изъ кабинета къ моимъ раннимъ посѣтителямъ, я приготовился выслушать одно изъ такихъ заявленій.

Въ приемной стояли въ рядѣ шесть человекъ. Всѣ они были въ безукоризненныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и такихъ же перчаткахъ. Первое затѣмъ, что бросилось мнѣ въ глаза, это роскошныя баки и англійскіе проборы на завитыхъ волосахъ у каждаго изъ моихъ гостей. Я былъ встрѣченъ общимъ поклономъ шестерыхъ джентльменовъ.

Немедленно изъ среды ихъ выдѣлился впередъ громаднаго роста, не менѣе трехъ аршинъ, полный, пожилой мужчина съ величаво-добродушной фیزیономіей и, держа въ рукѣ бумажный свитокъ, обратился ко мнѣ съ такой рѣчью:

— Позвольте намъ, господинъ редакторъ, имѣть честь вамъ представиться. Я швейцаръ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны; это два придворные ея императорскаго величества камеръ-лакеи; это камеръ-лакей ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны; это швейцаръ великаго князя Николая Николаевича, а это камердинеръ графа Григорія Александровича Куселева-Безбородка.

— Что вамъ угодно, господа?—спросилъ я, съ трудомъ скрывая свое удивленіе.

— Мы, господинъ редакторъ,—продолжалъ швейцаръ великой княгини Маріи Николаевны,—открываемъ въ Петербургѣ свой клубъ, на подобіе парижскаго Жокей-клуба. Клубъ нашъ, по уставу, утвержденному господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, называется «клубомъ петербургскихъ служителей». Всѣ мы, тутъ явившіеся, избраны единогласно старшинами нашего клуба, а я предсѣдатель совѣта старшинъ. Много высокопоставленныхъ особъ сдѣлали намъ честь и изъявили свое благосклонное согласіе принять на себя званіе почетныхъ членовъ нашего клуба. Удостоите насъ и вы, господинъ редакторъ, этой чести. Надѣясь, что вы не захотите побрезговать нашей просьбой, мы изготовили и подносимъ вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена.

Я принялъ изъ рукъ оратора красиво напечатанный въ нѣ-

сколько красокъ дипломъ, гдѣ уже значилось мое имя, какъ почетнаго члена клуба, и ждалъ дальнѣйшаго объясненія поводовъ сдѣланной мнѣ чести. Оно немедленно послѣдовало.

— Позвольте вмѣстѣ съ тѣмъ, господинъ редакторъ, покорнѣйше просить васъ принять нашъ клубъ подъ благосклонное ваше покровительство. Мы знаемъ, что безъ газетной поддержки теперь ничто не обходится; знаемъ, что у насъ, не смотря на высокое покровительство почетныхъ членовъ нашего клуба, найдется много недруговъ, которые будутъ осмѣивать насъ, станутъ осуждать, придираяться... вотъ то же, что было сначала и съ парижскимъ Жокей-клубомъ, который спасся отъ нападковъ и возвеличился потомъ на всю Французскую имперію, благодаря только заступничеству газетъ... Вотъ мы и просимъ васъ, господинъ редакторъ, при случаѣ порадѣть о насъ добрымъ словечкомъ въ вашей газетѣ. Мы были у господина Краевского; то же обѣщали поддерживать и обѣщали сегодня быть у насъ на молебствіи по случаю открытія нашего клуба. И мы очень просимъ васъ, господинъ редакторъ, пожаловать на молебствіе въ два часа, въ помѣщеніе клуба, на Мойкѣ, вондѣ Почтамтскаго мостика, въ домѣ Греча.

— Кто же будутъ члены вашего клуба?—полюбопытствовалъ я:—все ли петербургскіе служители могутъ быть членами, или, судя по вамъ, прислуга изъ домовъ привилегированнаго только класса?

— Насъ, наличныхъ членовъ, теперь уже шестьдесятъ,—отвѣчалъ предсѣдатель совѣта старшинъ,—членомъ нашего клуба можетъ быть каждый петербургскій служитель, но не иначе, какъ по рекомендаціи не менѣе трехъ членовъ-учредителей, которыхъ у насъ имѣется двадцать человѣкъ.

— А какая цѣль вашего клуба по уставу?

— Цѣль нашего клуба дать возможность петербургскимъ служителямъ и ихъ семействамъ, въ опредѣленные и совершенно свободные отъ обязательныхъ занятій вечера, съ соизволенія, конечно, своихъ господъ, собираться вмѣстѣ для развлеченія и отдыха послѣ трудовъ. Для насъ, мужчинъ, полагается чтеніе газетъ, игра въ шахматы и пашки, бесѣды разныя за стаканомъ чаю или кружкой пива; для семействъ нашихъ—рукодѣліе, маленькія игры, танцы.

Я обѣщавъ своимъ необычнымъ гостямъ, познакомившись подробно съ уставомъ ихъ клуба и смотря по тому, какъ у нихъ пойдетъ дѣло, поддержку въ своей газетѣ. Взявъ съ меня слово, что я приѣду къ молебствію, старшины удалились.

Около двухъ часовъ я отправился въ домъ Греча. Домъ этотъ былъ мнѣ очень памятенъ. Въ одной половинѣ его, налѣво, прежде помѣщалась редакція «Сѣверной Пчелы» П. С. Усова, въ которой назадъ три года я началъ первые мои литературные дебюты; на-

право жилъ самъ домовладѣлецъ Николай Ивановичъ Гречъ. Помню, какъ, выходя однажды отъ Усова, я почувствовалъ вдругъ недолимое юношеское желаніе увидѣть Греча, того самого Греча, по русской грамматикѣ котораго я въ дѣтствѣ еще составилъ себѣ о немъ понятіе, какъ о величайшемъ авторитетѣ въ области русскаго языкознанія, и «Черная женщина» котораго стоила мнѣ столькихъ тревожныхъ бессонныхъ ночей во дни моего отрочества. Стоя нѣсколько минутъ въ сѣняхъ, отдѣлявшихъ редакцію «Сѣверной Пчелы» отъ квартиры знаменитаго грамматика, я колебался между страстнымъ желаніемъ видѣть творца «Черной женщины» и опасеніемъ, чтобы мой поступокъ не былъ истолкованъ въ невыгодную для меня сторону. Наконецъ, я рѣшился и робко позвонилъ. На вопросъ отворившей дверь старухи, что мнѣ нужно и какъ доложить, я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не нужно, что я изъ провинціи и желаю только видѣть Николая Ивановича; старуха ушла и, чрезъ минуту вернувшись, сказала: пожалуйста! Я вошелъ въ большой кабинетъ со множествомъ книжныхъ шкафовъ и увидѣлъ возлѣ окна въ вольтеровскихъ креслахъ старичка въ сѣромъ суконномъ халатѣ и высокихъ плисовыхъ сапогахъ; онъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ зеленаго на лбу зонтика и, молча, ждалъ, что я скажу ему. Я сразу почему-то сконфузился и началъ робко объяснять, что я недавно пріѣхалъ въ Петербургъ, что былъ вотъ тутъ въ редакціи «Сѣверной Пчелы» и, узнавъ, что здѣсь же проживаетъ онъ, Николай Ивановичъ, я счелъ своимъ долгомъ поклониться ему, какъ автору той самой русской грамматики, по которой я обучался.

— Садитесь, молодой человекъ, — сказалъ съ улыбкой Гречъ, протянувъ мнѣ два пальца, — садитесь и расскажите, куда привела васъ моя грамматика.

Я молчалъ, не понявъ вопроса.

— Я хочу знать, чему вы учились послѣ моей грамматики, — спросилъ Гречъ.

Я отвѣчалъ, что я воспитанникъ Кіевскаго университета по историко-филологическому факультету.

— А! кіевлянинъ? изъ святаго града?.. Очень, очень радъ... А легко далась вамъ моя грамматика?

— Я зубрилъ ее, — отвѣчалъ я, ободрившись.

— И вызубрили? хорошо вызубрили?

— Отлично, до сихъ поръ помню, — отвѣчалъ я.

Послѣ получасовой бесѣды, преимущественно о Кіевѣ, о моихъ профессорахъ и т. п., мы разстались съ Гречемъ, и я болѣе съ нимъ не встрѣчался, да и въ самомъ домѣ его я не былъ уже около двухъ лѣтъ.

Все это вспомнилось мнѣ, когда я подъѣзжалъ къ Гречевскому дому. Дворъ былъ уставленъ нѣсколькими каретами и санями. Въ

прихожей встрѣтили меня утренніе мои посѣтителі во главѣ съ тѣмъ же величавымъ швейцаромъ.

Войдя въ огромную залу, я сразу убѣдился, что помѣщеніе Греча, гдѣ я былъ назадъ три года, совершенно измѣнено и переделано заново. Посреди залы красовался великолѣпно сервированный столъ; тутъ уже находилось духовенство изъ Казанскаго собора, что я узналъ по протодіакону; вслѣдъ за мной вошелъ А. А. Краевскій, и затѣмъ одинъ за другимъ стали появляться приглашенные на торжество, большей частью, военные и преимущественно въ аксельбантахъ. Изъ знакомыхъ я встрѣтилъ тутъ полковника, который состоялъ по порученіямъ у петербургскаго генераль-губернатора князя Суворова.

— Будемъ ѣсть царскій завтракъ, — сказалъ мнѣ полковникъ, здороваясь.

— Какъ такъ?

— А такъ, что его готовили члены здѣшняго клуба, они же и главные повара изъ Зимняго дворца.

Когда собрались всѣ, повидимому, ожидавшіеся гости, духовенство облачилось въ ризы, и началось молебствіе съ пѣвчими. По окончаніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія всему царствующему дому, насъ пригласили къ столу. Завтракало насъ человѣкъ двадцать, и за стуломъ каждаго стоялъ одинъ изъ хозяевъ-членовъ, расточая свое хлѣбосольное вниманіе; другіе мѣняли сервизъ, разносили блюда, и все это совершалось въ образцовомъ порядкѣ.

— Что вы думаете объ этомъ клубѣ? — спросилъ я сидѣвшаго рядомъ Краевскаго.

— Думаю, во-первыхъ, — отвѣчалъ Андрей Александровичъ, — что такъ не накормятъ ни въ одномъ лучшемъ французскомъ ресторанѣ, и, во-вторыхъ, думаю, что у насъ съ вами фраки — дрянъ, сравнительно съ фраками всѣхъ этихъ плебеевъ. Посмотрите на на любаго: все это шедевры Жорже, Шармера, Дюмигрона.

Но вотъ заискрилось въ бокалахъ шампанское, и начались тосты; ихъ провозглашалъ стоявшій все время позади стула молодого флигель-адъютанта предсѣдатель совѣта старшинъ. Первый, принятый восторженно, тостъ былъ за государя императора; при провозглашеніи тоста за здоровье наслѣдника цесаревича у величаваго швейцара на глазахъ показались слезы, и онъ съ глубокимъ чувствомъ добавилъ: «пошли ему Господь скорое выздоровленіе!». Восторженное, сердечное ура долго сопровождало этотъ тостъ, разносясь громкимъ эхомъ по всему зданію. Затѣмъ слѣдовали тосты за высокопоставленныхъ, почетныхъ членовъ клуба; потомъ прочтены были имена остальныхъ почетныхъ членовъ съ провозглашеніемъ общаго тоста за ихъ здоровье; тутъ были свѣтлѣйшій князь Суворовъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, Гагаринъ, Нарыш-

кинъ, Шереметевъ, Бѣлосельскій-Бѣловскій и другія знатныя фамилии; въ концѣ и мы съ Краевскимъ были помянуты. Затѣмъ слѣдовали оживленные тосты за процвѣтаніе клуба, за учредителей, за старшинъ, членовъ и ихъ семейства. Тостовъ была масса, и завтракъ окончился только послѣ пяти часовъ.

Провожая до выхода и благодаря за высокую честь, старшины просили каждого изъ насъ удостоить ихъ еще вечернимъ посѣщеніемъ, такъ какъ по случаю открытія клуба у нихъ въ тотъ же день назначенъ танцевальный семейный вечеръ.

— Хотите, подвезу васъ,—сказалъ Краевскій, когда къ крыльцу подкатилъ сѣрый рысакъ его. Мы поѣхали. — Вечеромъ здѣсь будете?—спросилъ онъ, кутаясь въ свою ильковую шубу.

— Если успѣю, заѣду,—отвѣчалъ я:—меня это интересуеетъ.

— Молодость!..—пробурчалъ Краевскій.

— Вы какъ будто не сочувствуете этому клубу?—спросилъ я.

— Чему тутъ сочувствовать! Не тому ли, что надняхъ я рискую выйти изъ дому въ нечищенныхъ сапогахъ? да это еще не бѣда; не бѣда и то, что наши лакеи станутъ втихомолку напяливать на себя наши штаны да фраки, лишь бы не ударить лицомъ въ грязь тамъ передъ этими плебеями-аристократами; а вотъ когда госпожи-членши этого клуба доберутся до гардероба своихъ барынь, вотъ пойдетъ потѣха...

— Вы думаете, это можетъ случиться?—спросилъ я, невольно вдумавшись въ слова Краевского.

— Поживете—увидите... А вы, всетаки, заверните туда сегодня вечеромъ; это, я думаю, будетъ поинтереснѣе завтрака; при случаѣ расскажете мнѣ, а то и въ газетѣ своей напишите; я съ удовольствіемъ прочитаю. Самъ я не могу быть тамъ; времени нѣтъ, да и неловко старику... что я буду дѣлать въ танцклассѣ?

— Ну, Андрей Александровичъ, вы ужъ слишкомъ... семейный вечеръ...

— А знаете ли, чѣмъ окончатся эти семейные вечера?—перебилъ меня собесѣдникъ. Я молчалъ.

— Окончатся...—тутъ Краевскій произнесъ очень рѣзкое слово.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ очень молодъ въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, и притомъ провинціально молодъ; меня покорило отъ словъ Краевского. «Вотъ старый брюзга»,—подумалъ я, разставаясь у моей квартиры съ маститымъ журналистомъ.

Благодаря, быть можетъ, клубному завтраку съ обильными его тостами, работа по выпуску слѣдующаго № газеты взяла у меня на этотъ разъ гораздо больше времени, чѣмъ я рассчитывалъ. Вернувшись изъ типографіи послѣ двѣнадцати часовъ ночи, я думалъ уже было приняться за новую работу и затѣмъ пораньше заснуть; въ ожиданіи самовара я прилегъ на кушеткѣ и, закуривъ сигару, сталъ, по обыкновенію, думать о событіяхъ истекшаго дня, и чѣмъ

долѣ моя память останавливалась на клубѣ, тѣмъ настойчивѣе давало себя знать чувство какой-то неловкости передъ хлѣбосольными его хозяевами. Не покажется ли имъ обидой, пренебреженіемъ то, что я не уважилъ такой сердечной ихъ просьбы пріѣхать на семейный вечеръ? Краевскій тоже не поѣхалъ, а они на насъ съ нимъ, вѣроятно, больше всего рассчитывали. Положимъ, у Краевского свои взгляды, и взгляды крайне узкіе на это дѣло... Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были они, и чѣмъ бы ни кончилась эта ихъ затѣя, все же это хорошій народъ, и въ основѣ ихъ предпріятія лежить прежде всего нравственная общественная задача.

— Давай мнѣ фрачную пару,—сказалъ я моему лакею, когда онъ принесъ самоваръ. Пока я одѣвался, мнѣ вспомнился Краевскій съ его предположеніями, и я невольно окинулъ фигуру своего служителя; фракъ мой могъ бы придтись ему чуть-чуть не въ пору. Черезъ полчаса я подъѣзжалъ къ дому Греча.

Не семейный танцевальный вечеръ, а балъ, настоящій парадный балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда я вошелъ въ помѣщеніе новооткрытаго клуба. Меня встрѣтили нѣкоторые изъ старшинъ и тотъ же величественный предсѣдатель совѣта. Увидя меня, старикъ не могъ скрыть своей радости.

— А мы уже думали было,—встрѣтилъ онъ меня,—что ни вы, ни господинъ Краевскій такъ и не осчастливите насъ своимъ посѣщеніемъ.

Мы направились въ залу.

Оканчивали шестую фигуру кадрили.—«Grand rond!»...—раздалась команда могучаго голоса, и паръ сорокъ танцующихъ сплелись въ обширный пестрый кругъ. Въ первую минуту я готовъ былъ подумать, что я очутился въ великосвѣтскомъ салонѣ. Изящныя бальныя туалеты, декольте и маншкуртъ, цвѣты, кружева, блонды, роскошныя трены, брилліанты, изящныя прически, стройныя, граціозныя фигуры, безукоризненные фраки, англійскіе проборы... «Les dames au milieu, s'il vous plait!»—кричитъ дирижеръ, въ которомъ я тотчасъ призналъ красавца старшину, Кушелевскаго камердинера. «Chêne à droite!»—и бѣлый, розовый, голубой цвѣта красивой лентой зачередовались передъ моими глазами. И что за хорошенькія, свѣженькія личики; какъ мило освѣщаютъ ихъ эти восторженныя улыбки... «Grand rond, s'il vous plait!»—гремитъ команда, и кругъ снова развертывается на всемъ пространствѣ залы.—«Divisez vos dames!.. avançons et passons!.. en arcade!»...

Меня удивляло не то, что дирижеръ произносилъ свои возгласы на французскомъ языкѣ, а то, что вся эта команда петербургскихъ служителей исполняла его требованія правильно, быстро, безъ всякаго замѣшательства. Очевидно, подумалъ я, этому болъному дебюту предшествовали старательныя репетиціи.

Старикъ швейцаръ все время не покидалъ меня и, очевидно, съ живымъ интересомъ слѣдилъ за моими впечатлѣніями.

— Позвольте мнѣ, господинъ редакторъ, представить вамъ моихъ дочерей,—обратился онъ ко мнѣ, когда окончилась кадрили.

— Пожалуйста, представьте меня имъ,—отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный предложеніемъ хозяина, и отправился вслѣдъ за нимъ къ лѣвой стѣнѣ залы. Я началъ сознавать, что положеніе мое неожиданно усложняется.

— Вотъ это моя старшая, а это меньшая,—указалъ онъ на двухъ сидѣвшихъ рядомъ прехорошенькихъ блондинокъ. Я назвалъ свою фамилію и сѣлъ на свободномъ стулѣ возлѣ старшей. Обѣ сестры, лѣтъ семнадцать — восемнадцать, были одинаково одѣты въ голубыхъ тарлатановыхъ платьяхъ, изящно подколотыхъ цвѣтами; въ ушахъ у нихъ блестѣло по крупному брилліантику.

— Весело вамъ?—спросилъ я свою хорошенькую сосѣдку.

— Очень, очень весело!—отвѣчала она, не скрывая восторга.

— Вы часто танцуете?

— Въ такомъ большомъ собраніи первый разъ въ жизни, то есть не первый... но я давно уже такъ не веселилась.

— Давно? развѣ у васъ можетъ быть что нибудь—давно?

— Видите ли... я говорю по свое дѣтство, когда насъ съ сестрой брали на елку къ великой княгинѣ; тамъ тоже много бывало и дѣтей, и взрослыхъ.

— Что же, вы находите разницу между тѣми и сегодняшнимъ вечеромъ?

— Большую, огромную... тамъ мы были очень смѣлы, ничего не боялись; великая княгиня любила, когда дѣти рѣзвятся; а здѣсь... теперь уже немного освоилась, а въ началѣ, когда начались танцы, жутко было.

При послѣднихъ словахъ собесѣдница моя очень мило и непринужденно вздрогнула плечами. Всюду одна и та же исторія,—подумалъ я, вспомнивъ описанія и рассказы о первомъ выѣздѣ на балъ нашихъ барышень. Въ это время раздались звуки Страусовскаго вальса.

— Вы умѣете угадывать чужія мысли?—вдругъ, неожиданно обратилась ко мнѣ сосѣдка.

— Какъ?..—спросилъ я, озадаченный этимъ вопросомъ.

— Такъ, по глазамъ...—отвѣчала она, не сводя съ меня своихъ плутовато улыбающихся глазъ.—Мы съ сестрой всѣ мысли одна у другой отгадываемъ по глазамъ.

— Вы находитесь теперь подъ обаяніемъ этого вальса.

— Угадали, угадали!..—какъ-то дѣтски взвизгнула она, быстро вставъ и опуская лѣвую руку на плечо мое. Мы понеслись; дама моя прелестно вальсировала.

— Какъ вы добры, какъ вы милостивы къ намъ,—говорилъ

мнѣ швейцаръ Маріинскаго дворца, провожая меня изъ залы и приглашая осмотрѣть все клубное помѣщеніе; мы поднялись нѣсколькими ступенями на верхъ.

— Вотъ это будетъ директорская, а это читальня; тутъ во время танцевальныхъ вечеровъ можно будетъ играть въ шахматы или шашки,—говорилъ мнѣ старикъ, проходя по комнатамъ.—Теперь вотъ я хотѣлъ спросить вашего совѣта, господинъ редакторъ... Многіе члены нашего клуба, да и нѣкоторые старшины, сильно налегаютъ на то, чтобы завести у насъ карточную игру... Какого вы на этотъ счетъ мнѣнія?

— Да у васъ по уставу полагаются карты?—спросилъ я.

— Не полагаются... да, видите ли, дополненіе исхлопотать не трудно; за это берутся и уже обѣщали содѣйствіе у министра внутреннихъ дѣлъ.

— А вы же какого мнѣнія на этотъ счетъ?—спросилъ я.

— Охъ, не хотѣлъ бы я заводить это добро въ нашемъ клубѣ; я и самъ не терплю картъ и знаю, что онѣ могутъ много намъ напортить.

— Въ такомъ случаѣ и мой вамъ совѣтъ, ни за что не допускайте карточной игры. Употребите все свое вліяніе; возьмите себѣ на подмогу другихъ—и членовъ, и особенно старшинъ клуба; и если у васъ находится протекція для того, чтобы выхлопотать дополненіе къ уставу, то та же самая протекція можетъ повліять на дѣло и въ обратномъ смыслѣ.

— А вы, господинъ редакторъ, не помогли бы намъ?

— Какъ?

— Нѣсколько словечекъ въ вашей газетѣ по этому поводу... Вы не знаете, какъ у насъ и уважаютъ все, что говорится въ газетахъ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся всего этого.

Я обѣщалъ высказать свой взглядъ на значеніе и задачи новаго клуба и долженъ былъ очень огорчить добраго старика, объявивъ, что я почти никогда не ужинаю и долженъ уѣхать домой, гдѣ меня ждетъ спѣшная работа.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого я, по настоянію докторовъ, долженъ былъ надолго покинуть Петербургъ; но еще до отъѣзда мнѣ пришлось убѣдиться въ недолговѣчности новаго клуба. Не прошло и мѣсяца со дня его открытія, какъ вѣщія слова Краевскаго стали день за днемъ оправдываться на дѣлѣ. Посвятивъ въ хроникѣ петербургской жизни нѣсколько сочувственныхъ словъ клубу петербургскихъ служителей, въ смыслѣ разъясненія общественной его задачи, я сталъ десятками получать и письменныя и словесныя заявленія о томъ, что завѣдомо поддерживаю страшные безпорядки, которые завелись въ каждомъ домѣ по ми-

лости новаго клуба. «Помилуйте,—писали и говорили мнѣ,— я долженъ былъ дѣлать себѣ новую фракную пару, потому что узналъ, что мой лакей изволилъ наряжаться въ мое платье и сообщилъ ему свою специфику»... «Моя жена,—говорилъ мнѣ другой,— вмѣсто того, чтобы быть вчера въ оперѣ, пролежала дома съ приступами отвратительной мигрени, по милости своей горничной, которая напаялила на себя и *sortie du bal*, и брилліантовую брошь своей барыни»... «Мы третьяго дня остались безъ ужина, а вчера безъ завтрака, по милости повара, который съ вечера, не спросясь, отправился въ клубъ и вернулся оттуда въ восемь часовъ утра»... и проч., и проч.

Но не это еще доконало клубъ. Въ этомъ направленіи дѣло было еще поправимо; стоило лишь хорошенько взяться за это дѣло, направить, упорядочить его. Въ такомъ смыслѣ я и въ газетѣ и лично являвшемуся ко мнѣ за наставленіями величавому швейцару давалъ свои совѣты и указанія. Жаль мнѣ было этого симпатичнаго старика, которому принадлежала и первая мысль объ устройствѣ клуба, и который, казалось, готовъ былъ вложить всю свою душу въ это дѣло.

Однажды, въ началѣ, кажется, феврала, онъ пришелъ ко мнѣ крайне озабоченнымъ.

— Плохія наши дѣла,—началъ онъ,—помогите, господинъ редакторъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ господа замѣшались въ нашу компанію; тутъ добра не будетъ.

Я молчалъ и ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій.

— Вотъ другое уже воскресенье они наѣзжаютъ къ намъ въ клубъ... такъ, часовъ послѣ двухъ ночи, съ разныхъ вечеровъ, театровъ, да журъ-фиксовъ, и большей частью все это послѣ ужина, въ веселомъ расположеніи... Ну, и пускаются въ плясъ... оно бы, кажись, и ничего... мы всегда готовы за честь принять... Вѣдь и я и дочка моя всю жизнь не забудемъ той чести, которую вы ей сдѣлали въ первый вечеръ... Теперь не то; теперь, смотришь, и выходитъ какая нибудь вольность... А какъ ты ихъ остановишь? все это молодежь изъ высшаго общества.

— Ну, ваше дѣло пропало,—сказалъ я,—принимайте мѣры, а то кончится худо.

— Но какія же мѣры, господинъ редакторъ? Вѣдь такихъ, недовольныхъ всѣмъ этимъ, насъ немного; другимъ это даже на руку, потанцовать вмѣстѣ съ сынкомъ своего князя или графа; а о бабѣ ужъ и говорить нечего; тѣ просто рады-радешеньки... Вотъ если бы вы, господинъ редакторъ, въ своей газетѣ да написали объ этомъ; это очень помогло бы намъ.

— Что же я могу написать?

— Да такъ, пристыдили бы молодыхъ господъ; не за свое, дескать, они дѣло берутся... мало ли, дескать, имъ своего барскаго общества...

— Я не могу этого писать,—отвѣчалъ я:—это не мое дѣло.

— Ну, такъ наше дѣло и взаправду пропало. Теперь, кромѣ вашей газеты, всѣ на насъ ополчились...—старикъ тяжело вздохнулъ и поникъ своею красивой головой.—Дома у меня тоже неладно,—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ:—запретилъ своимъ бывать на клубныхъ вечерахъ; плачутъ дѣвочки: извѣстно—молодые дуручки, онѣ всего не понимаютъ, а мнѣ больно, коли ихъ обижаютъ... Кто же, кромѣ меня, и убережетъ ихъ? матери лишились еще въ дѣтствѣ...

При послѣднихъ словахъ слезы показались на глазахъ старика.

Мнѣ было очень жаль его, но помочь ему уже ничѣмъ я не могъ.

Въ апрѣлѣ, какъ я сказалъ, мнѣ пришлось покинуть и газету и Петербургъ и надолго забраться въ деревенскую глушь, на югъ Россіи. Я не помню теперь, существовалъ ли клубъ петербургскихъ служителей и въ слѣдующемъ году, или, вѣрнѣе всего, ему суждено было прекратить свое существованіе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего перваго и послѣдняго зимняго сезона.

V.

Литературный вечеръ.

Покойный артистъ Александринскаго театра Ѳ. А. Бурдинъ заѣхалъ однажды ко мнѣ вечеромъ и съ особенной торжественностью объявилъ, что утромъ того дня пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ Александръ Николаевичъ Островскій и привезъ новую комедію, которую не дальше какъ завтра вечеромъ самъ будетъ читать у него, Бурдина, въ домѣ. Далѣе Ѳедоръ Алексѣевичъ сказалъ, что такой чести знаменитый драматургъ каждый годъ удостоиваетъ лишь его одного, что на подобные вечера онъ, какъ хозяинъ, не воленъ приглашать кого ему угодно, а подаетъ предварительно Островскому списокъ своихъ гостей, съ которыми тотъ поступаетъ иногда совсѣмъ нецеремонно, подчасъ, дескать, большую половину вычеркнетъ. Больше же всего не терпитъ Островскій присутствія на чтеніи своихъ піесъ кого нибудь изъ литераторовъ. Привиллегія дается исключительно артистамъ, и то немногимъ. «Тутъ уже ничего съ нимъ не подѣлаешь...—закончилъ Бурдинъ,—но я во всякомъ случаѣ внесу вашу фамилію въ свой списокъ и буду просить Александра Николаевича сдѣлать для васъ исключеніе; онъ меня балуетъ и, надѣюсь, уважитъ мою просьбу».

На другой день добрый Бурдинъ завернулъ ко мнѣ всего на минутку, какъ онъ любилъ выражаться, и съ нескрываемой радостью объявилъ, что Островскій, въ виду сообщенной ему аттестаціи о моей особѣ, благоволилъ согласиться на то, чтобы я присутствовалъ при чтеніи его піесы. «Чтеніе начнется ровно въ 9 часовъ вечера; пріѣзжайте въ восемь съ половиной; въ три четверти девятого всѣ приглашенные должны быть на мѣстахъ; въ 9 ровно пріѣдетъ Александръ Николаевичъ; тогда немедленно будетъ отдано приказаніе швейцару и прислугѣ, чтобы никого больше и ни подъ какимъ видомъ не принимали, чтобы во время чтенія, не дай Богъ, не раздался вдругъ звонокъ или вообще какой нибудь шумъ... Нельзя!... такой ужъ у насъ порядокъ!»... Съ этими словами Бурдинъ оставилъ меня, повторивъ еще разъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему не позже восьми съ половиной, въ черномъ сюртукѣ.

При всемъ непреклонномъ желаніи моемъ попасть къ Бурдину въ назначенныя имъ минуты, я опоздалъ на четверть часа, по какимъ-то неодолимымъ, теперь не помню, препятствіямъ. Съ радостью узналъ я отъ швейцара, что Островскій еще не пріѣзжалъ, но что всѣ уже въ сборѣ, и я явился послѣднимъ, такъ что послѣ меня велѣно уже никого болѣе не принимать.

Хозяинъ встрѣтилъ меня по обыкновенію радушно, хотя, покачивъ головой, посмотрѣлъ на меня съ нѣмымъ укоромъ. Съ нѣкоторыми изъ гостей Бурдина я былъ знакомъ, съ остальными немедленно познакомился. Все это были исключительно артисты Александринскаго театра. Всѣхъ участниковъ этого вечера, человѣкъ восемь-десять, я теперь перезабылъ (дѣло было въ декабрѣ 1864 года), но очень хорошо помню, что тутъ были Леонидовъ, Зубровъ, Степановъ и Васильевъ, тотъ самый Васильевъ, который мастерски игралъ роли солдатъ и былъ такимъ неподражаемо хорошимъ солдатомъ въ Москалѣ Чаривникѣ.

Но вотъ раздался звонокъ, всѣ всполошились, хозяинъ побѣжалъ на встрѣчу дорогому гостю, и оба они появились въ гостиной. До тѣхъ поръ я не видѣлъ Островскаго, зналъ его только по фотографіямъ и былъ нѣсколько озадаченъ большимъ несходствомъ оригинала съ видѣнными мной его карточками. На послѣднихъ онъ выходилъ обыкновенно съ добродушной, нѣсколько улыбающейся фивіоміей, причемъ въ лицевой растительности его главную роль играли роскошныя баки, спускавшіяся къ небольшой бородѣ; притомъ изъ фотографіи можно было заключить, что Александръ Николаевичъ брюнетъ. Здѣсь же предсталъ онъ серьезнымъ, нѣсколько нахмуреннымъ, съ довольно большой рыжеватой бородой. Артисты поспѣшили привѣтствовать его, причемъ Леонидовъ и Васильевъ въ самыхъ сердечныхъ словахъ выразили свою радость, видя Александра Николаевича бодрымъ и здоровымъ; затѣмъ хозяинъ под-

вель и представилъ меня. Подавая мнѣ правую руку, Островскій въ то же время лѣвой вынулъ изъ кармана часы и, глядя на нихъ, произнесъ: «Очень радъ; будемъ-те знакомы». Вслѣдъ затѣмъ онъ сѣлъ въ вольтеровское кресло, передъ которымъ стоялъ инкрустированный столъ, а на немъ свѣча, графинъ съ водой, стаканъ съ ложечкой и мелкій сахаръ въ хрустальной вазочкѣ. Мы молча усѣлись на стульяхъ, у стѣнки противъ Островскаго, который вынулъ изъ портфеля, внесеннаго сюда хозяиномъ, толстую тетрадь, налилъ въ стаканъ, хлѣбнулъ глотокъ воды и началъ такъ: «Воевода или сонъ на Волгѣ; комедія въ пяти дѣйствіяхъ». Съ того момента, какъ мы усѣлись, въ комнатѣ и безъ того царилъ абсолютная тишина, а тутъ при провозглашеніи названія піесы всѣ мы затаили, какъ говорится, дыханіе.

Чтеніе перваго дѣйствія продолжалось минутъ сорокъ. Прочитано оно было мастерски, бойко, съ оттѣнками въ голосахъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Островскій не любилъ, чтобы до полного прочтенія имъ всей піесы было высказано слушателями, въ какой бы то ни было формѣ, впечатлѣніе прочитаннаго. Это знали всѣ здѣсь присутствовавшіе, и потому царившая тишина ничѣмъ не прервалась. Всѣ съ такими же интересомъ и любовью продолжали не спускать своихъ глазъ съ лица лектора, который на минуту откинулся на спинку кресла, затѣмъ выпилъ глотокъ воды съ сахаромъ и приблизился къ своей рукописи.

Не успѣлъ онъ прочесть съ усиленной бойкостью двухъ страницъ втораго дѣйствія, какъ въ сосѣдней, передней комнатѣ вдругъ неожиданно рывкнулъ оглушительный звонокъ. Мы всѣ чуть не привскочили на своихъ мѣстахъ; бѣдный Бурдинъ поблѣднѣлъ, растерянно посмотрѣлъ вокругъ и чуть шепотомъ произнесъ: «Это, должно быть, по ошибкѣ»... Островскій опустилъ на колѣни рукопись и не сводилъ съ нея прищуренныхъ глазъ, словно ожидая чего-то; мы всѣ тоже вытянули ожидательныя фізіономіи, поспѣшивъ каждый въ душѣ присоединиться къ предположенію хозяина, что этотъ звонокъ раздался по ошибкѣ. Но не прошло и полминуты, какъ звонокъ затрещалъ съ удвоенной силой. Бурдинъ, сидѣвшій рядомъ съ Островскимъ, схватилъ себя за голову и бросился въ переднюю; тамъ у двери стоялъ уже лакей, не зная, на что рѣшиться.

Я сидѣлъ на мѣстѣ, откуда видна была входная дверь, и былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Не успѣлъ Бурдинъ самъ отворить дверь, какъ въ нее силой ворвался небольшого роста, толстый, пожилой господинъ во фракѣ. Прежде всего съ обѣихъ сторонъ по слѣдовала чрезвычайно энергичная жестикуляція. Оба въ одно время тихо говорили и не хотѣли слушать другъ друга; Бурдинъ подкрѣплялъ свои доводы, указывая руками на комнату, гдѣ мы находились; толстякъ, повидимому, ничего этого знать не хотѣлъ

и, прикладывая руки то къ груди своей, то къ лысинѣ, не сдавался на доводы Бурдина и съ отчаяньемъ отстаивалъ свои собственные. Эта сцена продолжалась не менѣе трехъ минутъ, которые намъ показались доброю четвертью часа. Наконецъ хозяинъ, должно быть, преодолѣлъ упорство своего непростеннаго гостя, и тотъ удалился. «Объяви швейцару, чтобы завтра и духу его не было въ моемъ домѣ!»—громко произнесъ Бурдинъ, обратясь къ лакею, и вошелъ къ намъ нахмуренный и встревоженный.

— Извините, дорогой Александръ Николаевичъ, — обратился Бурдинъ къ Островскому,—все это вышло такъ неожиданно... были приняты всѣ мѣры... швейцаръ получить должное возмездіе...

— Ничего, ничего...—отвѣчалъ Островскій, кладя рукопись на столъ и закрывая ее,—это вышло даже кстати, потому что я чувствую усталость и хотѣлъ и безъ того прекратить чтеніе.

Бурдинъ, какъ ошпаренный, только развелъ руками.

— Что же это?...—чуть не со слезами произнесъ онъ, оглядывая всѣхъ насъ.

Всѣ мы были глубоко огорчены такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла. Раздались сначала робкія, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе просьбы къ Александру Николаевичу.

— Я совсѣмъ не потому; я усталъ, господа, — отвѣчалъ намъ Островскій; но это не ослабило домогательствъ.

— Позвольте, господа,—выступилъ впередъ Васильевъ, — позвольте мнѣ быть докладчикомъ вашимъ и ходатаемъ передъ нашимъ дорогимъ Александромъ Николаевичемъ... Александръ Николаевичъ! дорогой! гордость наша! положимъ, у меня рука не дрогнула бы повѣсить на первой же осинѣ здѣшняго швейцара; положимъ, я не задумался бы продѣлать такую же точно операцію и съ почтеннымъ нашимъ хозяиномъ... (смѣхъ) да, да, Ѳединька! смѣяться нечего; тутъ не до смѣху; туда тебѣ и дорога,—не держи мерзавца швейцара!... Но при чемъ же тутъ всѣ мы? чѣмъ мы прогнѣвили васъ, Александръ Николаевичъ? За что намъ такая горькая обида? виноватъ Бурдинъ, ну, и выгонимъ его отсюда; я первый дамъ ему горячаго подзатыльника... Но мы-то, мы-то, за что страдать будемъ? и хоть бы эта бѣда стряслась надъ нами при самомъ началѣ, а то теперь, когда послѣ перваго дѣйствія у насъ только что разыгрались аппетиты... Помилуйте, Александръ Николаевичъ!...

По мѣрѣ того, какъ Васильевъ продолжалъ ораторствовать въ этомъ родѣ, къ нему присоединялись голоса другихъ артистовъ. Въ концѣ концовъ Островскій сдался, и чтеніе возобновилось. Но это уже было неохотное, вялое чтеніе. Уступивъ усиленнымъ просьбамъ, знаменитый драматургъ, очевидно, спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться; только въ послѣднемъ дѣйствіи, къ самому концу піесы, голосъ лектора нѣсколько разъ дрогнувъ, и онъ закончилъ чтеніе такъ же мастерски, какъ и началъ.

Тутъ со всѣхъ сторонъ понесли къ нему выраженія благодарности и восторга. Опытные артисты сразу подчеркнули нѣкоторыя выдающіяся мѣста піесы, особенно самый сонъ воеводы, который долженъ быть изображенъ въ лицахъ, за прозрачной кулисой.

— Это совершенно новый пріемъ, новая вещица, — говорилъ Леонидовъ, — это произведетъ громаднѣйшій, небывалый эффектъ.

Вслѣдъ затѣмъ хозяинъ предложилъ намъ отправиться въ столовую. Тамъ на большомъ столѣ воздвигнута была Лукулловская закуска; мы усѣлись, и общее настроеніе начало мало-по-малу оживляться. Одинъ лишь гостепріимный хозяинъ нашъ, при всемъ оказываемомъ имъ радушіи, видимо не могъ еще отдѣлаться отъ тяжелыхъ впечатлѣній случившагося.

— Ну, Ѳединька, — началъ Васильевъ послѣ третьей рюмки, — расскажи намъ теперь, какая это сатана чуть было не испортила намъ сегодняшняго вечера?

— Не могу ничего говорить, — отвѣчалъ Бурдинъ, подливая стаканы, — вина передъ Александромъ Николаевичемъ сковала языкъ мой.

— Ну, полноте, милый Ѳедоръ Алексѣевичъ, — произнесъ Островскій, протянувъ къ нему стаканъ, чтобы чокнуться, — все давно забыто, да и нечего было помнить... Пью за здоровье нашего милаго хозяина и прошу его полной милости къ неповинному ни въ чемъ швейцару! — при этомъ лицо Островскаго освѣтила добродушная улыбка, и сразу оно приняло пріятное выраженіе.

— Ура!! — закричало нѣсколько голосовъ, и стаканы протянулись къ Островскому и Бурдину. Послѣдній сразу повеселѣлъ и, обращаясь къ Васильеву, сказалъ:

— Ты спрашиваешь, какая это сатана надѣлала намъ сегодня столько хлопотъ? Это — Неваховичъ Александръ.

— А!!.. — послышалось отовсюду.

— Вотъ что, господа, — продолжалъ Бурдинъ: — кто изъ васъ хочетъ быть вице-губернаторомъ?

Мы всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на вопрошавшаго.

— Завтра, — продолжалъ онъ, — въ девять часовъ утра у Мины Ивановны на столѣ должны лежать три тысячи рублей, и охотникъ до этого пожертвованія немедленно получить должность вице-губернатора.

— Ага! — произнесъ Васильевъ, — надо полагать, кредитъ лопнулъ уже по всѣмъ швамъ, коли пошла на такія сдѣлки.

— Должно быть, здорово профершпилилась! — сказалъ кто-то.

— Страшно! — отвѣчалъ Бурдинъ, — вчера сорвали у нея всѣ банки; и вотъ Неваховичъ рыщетъ теперь повсюду, чтобы выручить.

Я былъ ошеломленъ всѣмъ слышаннымъ.

— Кто же эта Мина Ивановна?— рѣшился я спросить.

Всѣ съ удивленіемъ на меня взглянули.

— Неужто не знаете?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ незнакома и извѣстная петербургская пословица?

— Какая?

— Хорошо тому жить, кому бабушка въ Моховой ворожить.

Тутъ мнѣ пришлось услышать много интереснаго о бабушкѣ, живущей въ Моховой улицѣ, о знаменитыхъ вечерахъ ея съ Лукулловскими ужинами, о громадной азартной игрѣ на этихъ вечерахъ, а главное — о легендарномъ почти всемогуществѣ Мины Ивановны ¹⁾...

Возвратясь къ себѣ домой, я много думалъ о событіяхъ истекшаго вечера. Между прочимъ, меня занимали такія мысли. Хорошій народъ эти артисты, но, Боже, какъ они легкомысленны! возможно ли такъ легко повѣрить, чтобы какой-то Неваховичъ отъ имени какой-то Мины Ивановны раздавалъ должности вице-губернаторовъ, да еще за такую сравнительно не высокую сумму? Вѣдь на эту приманку легко пошелъ бы любой квартальный надзиратель, не говоря уже о приставѣ. Ну, и далъ бы онъ съ великой охотой три тысячи Неваховичу и взялъ бы отъ него расписку или вексель на полученіе вице-губернаторской должности; ну, а потомъ?... предъявлять этотъ вексель ко взысканію въ управу благочинія, что ли?...

В. М. Сикевичъ.

---

¹⁾ М. И. была фавориткой одного весьма значительнаго въ то время савовника.